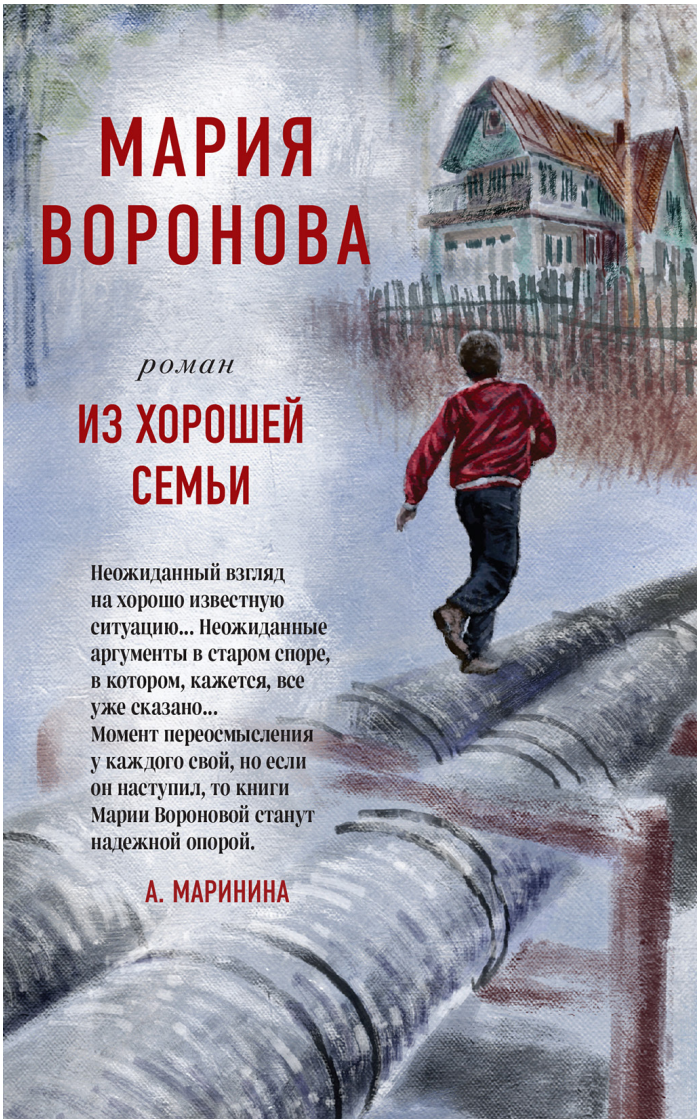

МАРИЯ ВОРОНОВА

роман

ИЗ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ

Неожиданный взгляд на хорошо известную ситуацию... Неожиданные аргументы в старом споре, в котором, кажется, все уже сказано... Момент переосмысления у каждого свой, но если он наступил, то книги Марии Вороновой станут надежной опорой.

А. МАРИНИНА

Мария Владимировна Воронова

Из хорошей семьи

Серия «Суд сердца. Романы М. Вороновой», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63968292
Из хорошей семьи: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118966-2

Аннотация

У молодого следователя Яны Подгорной все валится из рук. Коллеги не воспринимают ее всерьез, начальство не прощает промахи, которые она совершает один за другим. И конечно же, никто не верит ее гипотезе, что в городе орудует маньяк-убийца. Чтобы понять, как действовать дальше, она обращается к старым делам своего наставника, легендарного следователя Костенко, но вместо подсказок находит там странные несостыковки.

Мария Воронова
Из хорошей семьи

© М.В. Виноградова, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

⁂

МАРИЯ ВОРОНОВА

ИЗ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ

Москва
2021

Евгений оглянулся на изумрудно-зеленую доску, где следы мела образовали причудливый облачный узор, кашлянул и только потом посмотрел в глаза соискательнице Ледогоровой. Вкрадчиво улыбнувшись, та на пару сантиметров придвинула к нему лист ведомости.

– Очень жаль, но сейчас я не могу зачесть вам кандидатский минимум, – наконец сказал Евгений.

– Как это?

Евгений развел руками:

– Увы…

Ледогорова засмеялась:

– Увы-то увы, но не могу же я к вам каждый день, как на работу…

Подровняв бумаги на столе, Евгений с преувеличенным вниманием уставился в окно, где необычайно яркое зимнее солнце манило на улицу, заставляя чувствовать, что, сидя в аудитории, когда за окном такой ясный и морозный денек, он впустую теряет время. Но что делать, ни один из соискателей еще не уходил от него без нытья, что предмет не профильный и потому преподаватель должен понимать, что это чистая и никому не нужная формальность. Ледогорова не стала исключением. Что ж, Евгений терпеливо слушал ее, не перебивал. Хорошо хоть она была страшненькая и не пыталась его соблазнить, как некоторые другие аспирантки.

– Натяните троечку, – попросила Ледогорова, – и расстанемся навсегда.

Он покачал головой:

– Простите, но при самом моем горячем желании я не могу поставить удовлетворительно человеку, который не знает даже на ноль.

– Слушайте, ну я же врач, а не философ…

Евгений приосанился и выдал давно набившую оскомину речь о том, что раз она собирается заниматься исследовательской работой, то знание марксистско-ленинской философии просто необходимо для понимания материала в любой области науки. Вооруженная такими мощными инструментами познания, как логика, гносеология, онтология и герменевтика, Лидия Александровна Ледогорова сможет гораздо дальше продвинуться в своем исследовании, чем если бы руководствовалась только эмпирикой и интуицией.

– Ничего себе, я и слов-то таких не знаю, – вдруг засмеялась Ледогорова.

Евгений не хотел, а улыбнулся. И предложил:

– Я ведь не ставлю вам неудовлетворительную оценку, ведомость пусть полежит у меня в столе, времени еще много. Почитайте учебник, походите на лекции для студентов…

Но Ледогорова отрицательно покачала головой:

– Да уж спасибо, находилась в свое время. Есть у вас, философов, конечно, талант – трепать языком два часа без перерыва и не сказать при этом абсолютно ничего.

– Или вы просто невнимательно слушали. Серьезно… – Евгений быстро подсмотрел имя в ведомости, – Лидия Алек-

сандровна, попробуйте внимательно прочесть хотя бы учебник линейного вуза, самую малость вникните в предмет, и я вас уверяю, что ваша научная работа от этого только выиграет и вы найдете ответы на интересующие вас вопросы гораздо легче.

– Ну конечно, сейчас.

– Конечно, не сейчас, а, например, завтра. Чем скорее начнете, тем быстрее найдете.

Она снова засмеялась, весело и открыто, и Евгений вдруг ощутил такой сильный зов плоти, что едва не потерял сознание. Он зажмурился, представляя, как сейчас встанет, грубо и быстро поцелует ее в смеющийся рот и тут же прижмет к своему хлипкому преподавательскому столу из ДСП и алюминиевых реечек… И стол скорее всего развалится, да…

Он изо всех сил сжал виски, прогоняя наваждение.

– Послушайте, – по небольшой запинке Евгений понял, что Ледогорова тоже не помнит, как его зовут, – мы ж люди простые, работаем с тем, что есть перед глазами, а не со всякими там понятиями и сущностями. Поставьте троечку, а? И расстанемся друзьями?

– Вы хоть узнайте то, что собираетесь отвергать, – сказал он, украдкой переведя дыхание, – есть у меня один товарищ, тоже был весьма скептически настроен, но я настоял, чтобы он прочитал работу Ленина «Что делать?», так потом за уши стало не оторвать. Периодически мне звонит, говорит: «Слушай, я ведь нахожу ответы на все свои вопросы! Такое чув-

ство, будто я с Ильичом прямо разговариваю, будто он знает, что мне надо, и подсказывает…» Так все собрание сочинений и одолел.

– Ого! И в каком же отделении психиатрической клиники теперь можно найти этого вашего товарища? – фыркнула Ледогорова.

– Ваш сарказм неуместен. Мой друг совершенно нормальный человек, по крайней мере не позволяет себе судить о том, о чем не имеет ни малейшего понятия.

– Ладно, ладно, – Ледорогова встала, – но вы учтите, что если он свихнулся после прочтения, то его еще можно спасти, а если до, то шансов почти нет.

Она снова засмеялась, и Евгений с облегчением понял, что наваждение прошло. Он повторил, что оставляет ведомость открытой и ждет Лидию Александровну на пересдачу в любое удобное для нее время, на том и расстались.

Она пошла жаловаться друзьям на придурка и зануду, который уперся как баран и не понимает, что его идиотский предмет сто лет никому не сдался, а придурок и зануда остался сидеть, успокаивая свое так некстати проснувшееся мужское естество.

Когда ты много лет один, ничего удивительного, что порой находит, как на призывника.

Евгений прошелся по аудитории. Небольшая комната, чуть меньше школьного класса, с двумя рядами столов на тонких журавлиных ногах. У стены – стеллаж с книгами, на

верхних полках плотно стоит, корешок к корешку, собрание сочинений Ленина. Красивые книги, переплет светится глубоким ультрамарином и золотым тиснением, но кто-нибудь когда-нибудь доставал эти томики, листал просто так, по доброй воле?

Еще лет пятнадцать назад, когда Евгений учился, у этой Ледогоровой просто язык не повернулся бы вслух произнести то, что она сказала ему сегодня, даже троечку выпрашивать не осмелилась бы, а зубрила предмет как миленькая.

А теперь пожалуйста, теперь можно. Не только естественники, но и гуманитарии считают марксистско-ленинскую философию не живой наукой, а какой-то навязанной сверху чушью, а изучение ее – пустым и скучным ритуалом, необходимым разве что в качестве проверки на вшивость. Сумеешь вывихнуть себе мозги – молодец, служи дальше, а не сможешь одержать победу над здравым смыслом – прости, но ты нам не подходишь.

Может, он и не великий преподаватель, но старается объяснить студентам фундаментальные принципы своей науки, заинтересовать их, только они заранее не хотят его слушать, отбывают лекции, как на каторге. Запоминают самое основное, чтобы сдать экзамен и не дай бог проникнуться, узнать чего лишнего, будто это не философия, а какая-нибудь ужасная ересь и опасное мракобесие. Что поделать, если в обществе такая парадигма сейчас, что любого убежденного марксиста воспринимают как юродивого или лицемерного карье-

риста.

Что ж, раз в открытую ему говорят, что его предмет – пустая формальность, видимо, так оно и есть. Никому не нужно, никому не интересно и бесполезно. Наверное, хватит донкихотствовать…

Евгений вышел из аудитории. Кафедра не профильная, поэтому вместе с другими гуманитарными отщепенцами расположена в старом доме на отшибе институтского городка. Здание добротной дореволюционной постройки, с высокими потолками, еще в хорошем состоянии, но признаки будущего упадка уже видны. На серых лестницах с выщербленными ступеньками кое-где не хватает деревянных поручней на перилах, по стенам змеятся причудливые узоры трещин, а большой стенд, посвященный работе кафедры, поблек и потускнел, и вообще, кажется, не обновлялся с шестидесятых годов. Только в углу лаборантка с помощью кнопок вывешивает расписание занятий, да и все. Фотографии все старые, еще черно-белые, и список рекомендованной литературы, который двадцать лет назад вывела тушью чья-то твердая рука, с тех пор не пополнился ничем. Судя по стенду, жизнь на кафедре замерла, как в замке спящей красавицы.

Евгений зашел в туалет, где стена возле плачущей ржавыми слезами трубы пошла неопрятными влажными пузырями. Иногда от этой трубы тянуло затхлостью, но сегодня, к счастью, запаха не было.

Евгений достал сигарету. Запрыгнув на широкий и высокий подоконник, он глубоко затянулся и пожалел, что не поставил Лидии Ледогоровой вожделенный трояк. Вдруг наваждение повторится, когда она придет в следующий раз? Да, она страшная, как атомная война, и вообще не в его вкусе, но вдруг? Ведь случилось же сегодня, хорошо, она ничего не заметила, а если он в другой раз не сумеет держать себя в руках?

Евгений вдохнул кислый дымок сухой болгарской сигареты, поймал часть своего отражения в зеркале над умывальником и отвернулся. С годами он все больше становится похож на отца…

Когда у тебя в тридцать два года остались только убеждения и ничего больше, то мир не перевернется, если ты про них забудешь. Не вздрогнет даже. И ты сам, наверное, за другими потерями не заметишь этой.

– В конце концов, мне что, больше всех надо? – громко произнес Евгений.

⁂

Вернувшись от начальства, Яна аккуратно переложила листы копиркой, подровняла, заправила в пишущую машинку, и от сознания, что любая буква, которая появится на бумаге, будет неправильной, ей будто судорогой свело руки.

Яна немножко посидела, вытерла платочком глаза, но

они вновь наполнились едкими слезами бессилия и обиды. Странно теперь вспоминать, что еще три месяца назад ее переполнял восторг от одной только мысли о работе. Родители уверяли, что любой коллектив будет счастлив принять такую умненькую, воспитанную и работящую девочку, как она, и Яна в глубине души была с ними согласна. Мечталось, как она, краснодипломница, будет рассказывать коллегам о последних достижениях науки, а те, в свою очередь, щедро станут делиться с ней опытом, наставлять и поддерживать. Только у реальности не оказалось ничего общего с прекрасными картинами, которые рисовало ее воображение.

Сегодня прокурор Мурзаева прямым текстом заявила, что пройдет еще очень-очень много лет, прежде чем из Яны вырастет что-то хоть отдаленно похожее на следователя, а для того, чтобы этот момент в принципе наступил, ей в первую очередь надо наглухо захлопнуть свой рот, молчать и слушать, что говорят опытные люди. «Для тебя есть инструкции и указания руководства, – припечатала прокурор, – а мысли свои в одно место себе засунь. И место это – не голова».

Неужели прошло всего полгода с тех пор, как на защите диплома ее хвалили именно за самобытность и оригинальность мышления? Что вообще было такое время, когда ее хвалили и ставили в пример?

В очередной раз промокнув глаза платочком, который с началом ее трудовой деятельности из изящного аксессуа-

ра превратился в предмет первой необходимости, Яна уставилась на чистый лист, торчащий из машинки. Просто волшебная бумага, что ни напиши на ней, все будет плохо.

Она же старается, могли бы разок похвалить хотя бы за это, но нет!

Права мама, не годится она для грубой работы с грубыми людьми…

Яна напечатала шапку обвинительного заключения с горькой уверенностью, что Мурзаева придерется даже к этому, и тут дверь кабинета приоткрылась.

– Разрешите, Яна Михайловна?

Яна вскочила, приветствуя заместителя прокурора Максима Степановича Крутецкого.

– Ну что вы, Яна Михайловна, дорогая, давайте без официоза, – улыбнулся Максим Степанович, входя.

Яна поблагодарила, но осталась стоять, потому что Крутецкий побрезговал стулом для посетителей, а больше в ее тесном кабинете опуститься было не на что.

– Решил немножечко вас приободрить, вы не против? Вы способная девочка, и я уверен, что все у вас получится.

– Правда? – Яна зарделась от внезапной похвалы.

– Ну конечно! Вам надо только освоиться и понять, что для вас главное – дело, а для руководства – показатели, и это вещи не только не взаимосвязанные, но порой и прямо противоречащие друг другу. Сами знаете, есть ложь, есть наглая

ложь и есть статистика.

Максим Степанович расхохотался, и Яна поспешила улыбнуться ему в ответ.

От того, что сам Крутецкий удостоил ее своим вниманием, Яна чувствовала себя ужасно неловко, точно как в детстве, когда родители ставили ее перед гостями на стульчик и заставляли читать стихи.

Платочек в ее пальцах превратился в тугой жгут, и, заметив это, Максим Степанович мягко похлопал ее по руке:

– Не волнуйтесь, Яна Михайловна! Кстати, давно хотел сказать, что вы совершенно не ассоциируетесь у меня с этим именем. Оно холодное, вычурное, а вы такая… – Крутецкий на секунду замялся, – настоящая, что ли… Слушайте, а что, если я буду называть вас наоборот? Яна – Аня. Анна вам гораздо лучше идет. Аня, Анечка… Хорошо так?

Яна кивнула, хотя собственное имя ей нравилось.

– Так вот, Анечка, не тушуйтесь. То, что вы возбудили дело об убийстве без трупа, вполне объяснимо и даже делает вам честь. Ситуация такая, что даже опытному, прожженному сыщику трудно остаться равнодушным, но и начальство тоже надо понять, ведь повиснет дело мертвым грузом, пока тело не найдут. Уж простите мне этот невольный каламбур. Ни раскрыть, ни переквалифицировать, так и будет висеть, показатели портить, в результате мы попадем в отстающие не потому, что плохо работаем, а из-за вашей неопытности. Может такое руководителю понравиться, сами-то как дума-

ете?

Она энергично тряхнула головой, мол, нет, не может.

– Ну вот… – Крутецкий развел руками и улыбнулся так ласково, что Яна, только осмелившаяся поднять на него глаза, снова потупилась, – так что не обижайтесь на начальство, если оно иногда забудет, что никто не рождается на свет готовым следователем по особо важным делам, договорились?

– Договорились, – прошептала Яна.

– Ну вот и умница! – радостно проговорил Максим Степанович и дружески добавил: – Держитесь, Анечка, и помните, что моя дверь всегда для вас открыта. Спрашивайте, не стесняйтесь, я с удовольствием подскажу.

Крутецкий ушел, а Яна вернулась к пишущей машинке и поправила лист так, чтобы поля выходили идеально ровными.

Вот могла же и Мурзаева так с ней поговорить, не унижая? Спокойно объяснить, в чем промах, ведь Яна понятливая, ей два раза повторять не надо. И ошибается она не от лени и не от глупости, а, наоборот, от усердия. Яна вздохнула. С первого дня она старалась изо всех сил, из кожи вон лезла, а заметил только один Крутецкий. Остальным на ее рвение глубоко плевать.

Мурзаева предупредила, что за свои идиотские инициативы она от оперов тоже получит, поэтому надо составить грамотный план следственных действий. Яна поднялась из-за стола, но сообразила, что нельзя так быстро воспользоваться

любезностью Крутецкого.

Интересно, с одной стороны, она теперь полноправный следователь, процессуально самостоятельное лицо и нянек у нее тут нет. Мурзаева ее об этом проинформировала в первый же рабочий день и с тех пор не устает повторять, но, с другой стороны, та же самая Мурзаева все время орет, чтобы Яна не смела думать. Только и слышно: «Запрещено думать, когда есть инструкция! Сначала закон, потом указания руководства, потом советы старших товарищей и только потом, если ничего этого нет, собственные мысли! И то голова думает, а глаза смотрят и ищут, у кого бы спросить!»

И как же совместить эти диаметрально противоположные принципы?

Яна уставилась в зимние сумерки с уютными кляксами фонарей. Она любила это время с детства, когда родители забирали ее из сада и они шли домой самыми длинными и извилистыми путями, обязательно заглядывали в сквер, и папа катал ее на санках, мчась по снегу с дикой скоростью, так что она иногда выпадала, а он не сразу это замечал, и было так весело затаиться в снегу, а потом хохотать, когда родители подбегут, выдернут из сугроба, расцелуют и обзовут потерянным поколением.

Хорошее было время, беззаботное и радостное, но в него не вернуться. А Коля Иванченко останется в нем навсегда… И пусть Мурзаева орет сколько хочет, но она поступила правильно, возбудив дело об убийстве. Когда одиннадцатилет-

ний ребенок исчезает и целую неделю не дает о себе знать, что с ним еще могло произойти? Хороший мальчик из хорошей семьи, дома все благополучно, нет поводов убегать. А если бы и были, то за семь дней парнишку или поймала бы милиция, или он вернулся бы сам. Все-таки зима, холодно.

Если бы он погиб случайно, то тело бы нашли, потому что добросовестно осмотрели все близлежащие пустыри и стройки, на которые детей тянет как магнитом.

Нет, надо смотреть правде в глаза – это убийство, и разве убийца должен остаться безнаказанным только потому, что у него хватило хладнокровия спрятать тело?

Теперь самый сложный и тягостный вопрос – кто?

Яна вздохнула. Ей нелегко давалось приобщение к человеческой мерзости. Пока училась, она представляла себе некое абстрактное зло, темную силу, с которой смелые и благородные люди борются исключительно смелыми и благородными способами. Преступники виделись ей как на карикатурах из «Крокодила» или как изображают злодеев в детских книжках: это нечто зеленовато-черное, страшное и извилистое, кардинально отличающееся от нормальных людей, а главное, не имеющее с ними ни родства, ни сходства. Погань и нечисть, ничего больше.

Но первые же дни на работе показали, что в реальности все иначе и грань, отделяющая законопослушного гражданина от уголовника, весьма тонка и заключается порой в стакане водки.

В каждом есть демоны, и в ней самой, наверное, тоже, просто у нее они спят, придавленные хорошим воспитанием. А другим повезло меньше. Пьянство, злоба, невежество помогают демонам воцариться и задушить в человеке лучшие качества. Вот и приходится всех подозревать, в том числе родителей пропавшего мальчика. Вдруг кто-то из них убил ребенка в приступе ярости? И друзей тоже надо проверять. Одноклассники утверждают, что Коля ни с кем из них не ссорился, но так ли это? Не случилась ли драка со смертельным исходом? А напуганные дети бывают очень изобретательны в заметании следов.

Или жизнь ребенка унесло настоящее чудовище, просто очень хорошо замаскированное под человека? В университете они почти не касались темы патологических убийц, так, вскользь, и то рассмотрели не как явление, а как редчайшие, спорадические случаи, исключения, которые только подтверждают непреложное правило, что преступность имеет классовую природу и с развитием социалистического общества она непременно исчезнет.

Серийник – дикая дикость, совершенно чуждая в социалистическом обществе, однако же все матери Советского Союза запрещают дочерям носить короткие юбки и вызывающе краситься, чтобы не привлечь внимание насильника и убийцы. И первое правило, которое внушают они детям и повторяют воспитательницы в садике и учительницы в школе: никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя разговаривать

с незнакомыми людьми, а тем более куда-то с ними идти, что бы они тебе ни обещали. Нельзя входить в подъезд вместе с неизвестным мужчиной, и в лифте с ним ехать тоже категорически запрещено. И юноши провожают девушек не только из романтики, но и потому, что вечером одним ходить опасно.

Чудовище всегда где-то рядом, всегда наготове, еще более страшное оттого, что официально его как будто не существует.

Оперативники буквально шепотом передают по школам и садикам, что объявился поблизости психопат-убийца, а до широкой общественности, которая могла бы заметить и просигналить, информацию стараются не доводить. На гнилом Западе сразу во всех газетах печатают, но это же смакование жестоких подробностей, проявление низкопробных интересов и низкого культурного уровня граждан капстран.

Совсем загрустив, Яна решила побаловать себя чайком, но тут в дверь постучали и сразу же резко распахнули ее, не дожидаясь ответа.

– Ну спасибо тебе, родная, – Юрий Иванович с грохотом повернул стул для посетителей и сел, далеко откинувшись на спинку, отчего с его головы свалилась новенькая норковая ушанка и подкатилась к батарее. Яна подняла ее, отряхнула и аккуратно повесила на крючок. – Тяжела ты, шапка Мономаха, на моей дурацкой голове, – протянул Юрий Иванович и закрыл глаза.

Яна поняла, что он не просто с похмелья, а уже по-настоящему пьян. Стало страшно, вдруг он уснет мертвецким хмельным сном и тогда что делать после окончания рабочего дня? Вытаскивать Юрия Ивановича в коридор на всеобщее обозрение или сидеть с ним в кабинете, пока не очнется? Есть какая-нибудь инструкция на этот случай?

Но, разок клюнув носом, Юрий Иванович довольно бодро сообщил, что больше всего на свете ненавидит разгребать за малолетними самоуверенными дурочками и что лучше бы Яне поднапрячься и каким-нибудь образом сбагрить дело в городскую прокуратуру, хотя, конечно, не много найдется дураков брать на себя явный глухарь.

Яна промолчала. Формально она могла осадить его, но, господи, как, если этот алкоголик в два раза опытнее и старше? Яйца курицу не учат, это всем известно.

В общем-то, Юрий Иванович – человек конченый, давно пропил и мастерство, и уважение коллег, и держат его на службе из жалости, и шпыняют все, кому не лень, так что осадить его будет не опасно. Чтобы начать, как говорилось в фильме, «командный голос вырабатывать», лучшей кандидатуры не найти.

– Хотите чаю? – спросила она.

Юрий Иванович закатил глаза и слегка пошатнулся.

– Конфетку возьмите?

– Радушная ты девка, а чего надо, того нет, – вздохнул Юрий Иванович.

– Того нет, – согласилась Яна, надеясь не продолжать разговор.

– Молодая еще, что с тебя взять… Попробуй по другим районам схожие случаи поискать, может, под соусом серийника дело городским втюхаем.

– Я посмотрела, нет.

– Да уж подсудобила ты, мать…

– Я подумала, что после возбуждения дела поиски ребенка будут вестись активнее…

– Все помойки уже облазали, куда дальше прикажешь двигаться?

Яна развела руками.

– Вот именно, – сварливо бросил Юрий Иванович, – не знаешь… И я не знаю. Так-то зима на дворе.

– В смысле не захоронить?

– В смысле залив подо льдом. В прорубь кинули, и все. До весны. Как минимум.

По рубленым фразам собеседника Яна поняла, что он еще пьянее, чем показалось ей вначале, и нужно срочно выпроводить его из кабинета, пока он еще способен стоять на ногах.

Странно вспомнить, что еще в прошлом году опьянение было знакомо ей только в виде папы, шумного в праздничные вечера чуть сильнее обычного, в новогоднем шампанском, смешно ударяющем в нос, которое непременно нужно раскупорить, разлить и выпить, пока бьют куранты, да в рос-

сказнях шалопаев-однокурсников о том, как они «вчера надрались» и в какие удивительные приключения попали по пьяни. Яну на их вечеринки никогда не звали, поэтому она не могла судить, сколько правды содержат эти эпические саги. Порой хотелось приобщиться к студенческому разгулу, но навязываться она стеснялась, а ребята прекрасно обходились без нее.

Ничего, зато отсутствие пьяных радостей в студенчестве с лихвой компенсировалось в первый же рабочий день. Мир, в который ей пришлось окунуться, был весь протравлен алкоголем, по его велению совершались преступления, обрывались жизни, в нем растворялись мечты, да и просто человеческие чувства.

Однако работа есть работа, приходится, созерцая жуткую бездну алкоголизма, не отшатываться в отвращении, а наблюдать и понимать, учиться распознавать такие симптомы опьянения, как шаткость походки, дрожание рук, покраснение лица и скандированная речь, и, увы, не только в подследственных, но и в коллегах.

– Если тело не найти, то хотя бы убийцу, – Яна постаралась говорить внушительно, хотя подозревала, что к утру Юрий Иванович проспится и вообще не вспомнит, что он был у нее в кабинете, – надо что-то сделать, потому что родителям нужна ясность.

Он усмехнулся:

– Думаешь?

– Да, конечно, все что угодно лучше неизвестности.

– Тебе видней. – Пожав плечами, Юрий Иванович встал и направился к выходу, забыв про шапку, с которой Яна догнала его уже в коридоре.

Он покрутил шапку в руках, как что-то незнакомое, нахмурился, с размаху нахлобучил на голову и направился к выходу, не совсем твердо держась на ногах.

Яна резко тряхнула головой, отгоняя порыв задержать оперативника и позвонить его жене, чтобы забрала. В конце концов, если ей, молодому специалисту, тут никто не нянька, то тем более она не нянька Юрию Ивановичу. Не ее дело, дойдет он сегодня домой или замерзнет в сугробе.

И второй вариант даже лучше… Нет, не насмерть, конечно, тьфу-тьфу, пусть просто простудится, возьмет бюллетень, а ей пока дадут кого-то поприличнее. Хотя кого? Разве найдется среди оперов хоть один мало-мальски интеллигентный человек? Все циники и хамы, и, чтобы заставить их работать, надо или пить вместе с ними, или быть сочной разбитной брюнеткой, как следователь Малинина. От этой вульгарной особы оперативники просто млеют и за один благосклонный взгляд готовы выполнять самые идиотские поручения.

А Яна, после того как дала суровый отпор наглому оперу, осмелившемуся распускать руки, теперь для них враг и пустое место. И хуже всего, что виновник не устыдился, а наоборот, растрепал по всей прокуратуре, выразив суть инци-

дента фразой: «Я только слегка прихватил за шницель». Господи, неужели еще три года придется кипеть в этом абсурде?

Вспомнив, что хотела выпить чаю, Яна включила кипятильник и достала свою любимую кружечку с парусником, которую специально принесла из дома в надежде, что она принесет ей удачу. Наивная оптимистка! Когда выяснилось, что вместо аспирантуры она пойдет в районную прокуратуру, Яна не огорчилась, а даже, наоборот, обрадовалась, что узнает жизнь, как она есть, и займется настоящим делом. Ну вот хлебнула полным ртом, спасибо.

⁂

– Женечка, это ты?

– А кто еще? – крикнул Евгений весело и, сняв в прихожей пальто и ботинки, прошел в большую комнату.

– Ты что так долго? Я уже начала волноваться.

– Автобуса сто лет не было, а пешком я поленился, – он наклонился поцеловать маму.

– Холодный, с мороза, – улыбнулась она, – погоди-ка, ты что, курил?

– Нет, пацаны курили, а я просто рядом стоял.

Сказав это, Евгений подмигнул Варе, сидящей со своими тетрадками за круглым столом возле окна.

– Точно не курил?

– Точно, мама, точно.

– Смотри…

– Вы обедали?

– Да, Варечка меня покормила и сама, совершенно самостоятельно, сварила чудный суп.

Евгений шутливо поклонился:

– Спасибо, хозяюшка.

Варя встала:

– Вас покормить, дядя Женя?

– Не волнуйся, детка, сам поем. А что у нас с уроками?

Заметно повеселев, Варя протянула ему открытый задачник. Евгений взял, посмотрел, над чем бедняга корпит. В ноябре девочка тяжело перенесла корь, много пропустила и по гуманитарным предметам догнала быстро, а по математике не смогла, поэтому получила большое задание на каникулы. К сожалению, за день продвинулась она недалеко. Евгений сурово посмотрел на девочку:

– Ты понимаешь, Варвара, что я оказываю тебе медвежью услугу?

– А?

– Намного полезнее было бы, если бы ты попробовала понять материал самостоятельно.

– Так, дядя Женя, не получается…

– Потому что не стараешься. А не стараешься знаешь почему?

– Потому что тупая, – вздохнула девочка.

– Есть такая пословица: «На бога надейся, а сам не пло-

шай», и, дорогая моя, хоть я и не бог, но ты уверена, что я приду и все тебе подскажу, а коли так, то зачем самой стараться, верно? Вот сегодня напрягла бы немножко голову, так увидела бы разность квадратов, и все. Десять минут работы, и готово домашнее задание, можно бежать с ребятами играть, а не киснуть тут в ожидании меня. Видишь, где?

– Ой, точно!

– Понимаешь теперь, что не глупость тебя подвела, а невнимательность и неусидчивость? Все, давай быстренько решай, а я пока твоего супчика отведаю.

Варя уселась за стол, вздохнув так надрывно, что Евгений поежился и скорее ретировался в кухню. Суп стоял на плите еще теплый, и он налил себе тарелку, не разогревая. Отрезал горбушку от своего любимого дарницкого хлеба, посыпал солью и начал есть.

Надо было купить в булочной еще пряников или шоколадный батончик, но он совсем забыл, что Авдотья Васильевна сегодня на дежурстве. На всякий случай Евгений посмотрел в шкафчике – нет, ничего интересного, только за стопками парадных тарелок притаилась бутылка рижского бальзама, но это Варе, пожалуй, рановато.

Быстро доев, он сполоснул тарелку и вернулся в комнату.

– Вам понравилось, дядя Женя?

– Должен заметить, Варвара, что на сегодняшний день супы удаются тебе лучше, чем алгебра.

Мама засмеялась:

– Как не стыдно, сынок! Варя у нас во всем молодец!

– Вне всякого сомнения.

Евгений снял со шкафа длинную плоскую коробку с настольной игрой, и около часа все трое кидали кубик и двигали фишки, чтобы пройти путем барона Мюнхаузена. Евгению и маме было скучно, да и Варя уже выросла из этой игры, и передвигала фишки равнодушно, и не возмущалась, даже если выпадало много ходов назад. Глупое и бессмысленное занятие, но за окном ветер так сильно раскачивал голые деревья, что казалось, это луну шатает из стороны в сторону по хмурому небу, с барабанным стуком падал на окна то ли мокрый снег, то ли град, а у них горела лампа под зеленым абажуром с длинной бахромой из золотистых шнуров, и Варя быстро и весело рассказывала о своих школьных приключениях, а мама ловко выкидывала кости одной рукой, и достаточно было тепла и уюта.

На ужин Евгений сварил макароны с сыром, а когда поели, проводил Варю домой. Она жила в их подъезде, только выше этажом, и то ли бабушка ее напугала, то ли сама додумалась, но Варя всякий раз просила Евгения проверять квартиру, а то вдруг забрался какой-нибудь злодей, пока ее не было дома, затаился и ночью нападет.

Как обычно, Евгений послушно вошел, посмотрел в туалете и в ванной, даже заглянул за диван и приоткрыл скрипучую дверцу старинного гардероба.

Квартирка была точно такая же, как и у него, не про-

сто маленькая, но вообще какая-то плоская, двухмерная. Не успеваешь войти в дверь, как упираешься в окно, а сверху на тебя падает потолок. Евгений вырос в просторных сталинских хоромах и после переезда долго привыкал к новым габаритам, хотя на службе пришлось узнать, что такое настоящая теснота.

Нет, даже самому миниатюрному злодею не спрятаться в этом крохотном жилище, но детские страхи есть детские страхи.

– Чисто, Варенька, – улыбнулся он, – запирайся на все замки и спокойно отдыхай до утра. Все в порядке? Я пошел?

Девочка кивнула, но тут от сильного порыва ветра загудело оконное стекло. Варя поежилась, и он потрепал ее по плечу:

– Отставить бояться.

– Ничего я не боюсь.

– Вот и умница.

Евгений вышел на площадку, послушал лязганье замка, подергал дверь, убедившись, что она надежно заперта, и вернулся к себе, думая о том, как скоро Варе предстоит узнать, что настоящее зло не прячется в шкафах и под кроватью. Оно гораздо ближе, а бывает, что и в тебе самом.

Устроив маму на ночь, он постирал белье и замочил новую порцию. А потом заперся и сбросил напряжение среди тесного лабиринта мокрых простыней.

Как всегда после этого, накатила тоска, и Евгений знал, что она будет мучить его несколько дней и не уйдет совсем, просто притупится, и каждый раз он обещал себе, что больше никогда, в конце концов он взрослый человек, а не подросток.

Иногда держался долго, но в конце концов естество брало свое.

В этот раз чувство одиночества стало почти невыносимым, до горечи во рту, и Евгений, сдвинув развешанное белье, долго поливал себя из душа в надежде, что вода смоет с него хоть что-то плохое. Он знал, что надежда эта тщетна, и все равно сидел в ванной, скорчившись, как ребенок в утробе матери.

⁂

Прошло три дня, прежде чем Яна набралась смелости и постучалась в кабинет Крутецкого. Ноги подгибались от страха, но Максим Степанович не только не прогнал ее, но, наоборот, даже встал и провел внутрь, как почетного гостя.

Усадил на маленький диванчик с готической деревянной спинкой и спросил, не хочет ли она чаю или кофе.

– Нет, нет, спасибо, – засмущалась Яна, выпрямив спину, как учила бабушка, – я буквально на секунду, посоветоваться.

– Ах, вот и наступил в моей жизни возраст, когда краси-

вые молодые дамы заглядывают только по деловым вопросам, – сказал Максим Степанович с тонкой улыбкой.

Яна совсем зарделась. Крутецкому не больше сорока, и выглядит он так, что молодые дамы прибегут, только свистни. Высокий и статный брюнет с породистым лицом, он к тому же еще прекрасно одевался и рядом с потертыми следователями, часто небритыми, в грязных растоптанных ботинках, в допотопных брюках из синтетики, выглядел, честно говоря, как новенький космический корабль на фоне парка тракторов убыточного колхоза.

– Так что вы хотели спросить, Анечка?

– Вы не знаете, где я могу ознакомиться со статистикой по пропавшим несовершеннолетним за последние пять лет?

Крутецкий присвистнул:

– Ого какой у вас замах! Не ожидал, Анечка, не ожидал… Надо полагать, это по делу ребенка, как бишь его… – Максим Степанович нахмурился, – Иванченко, если не ошибаюсь?

Яна кивнула.

– Будь я суровым наставником, непременно помог бы вам, чтобы вы копили как положительный, так и отрицательный опыт, но, пожалуй, избавлю вас от напрасной работы и сэкономлю время, которое вы потратите с гораздо большей пользой, чем бессмысленное перебирание цифр.

– Почему бессмысленное? – прошептала Яна.

Крутецкий опустился рядом на краешек дивана и с сочув-

ствием заглянул ей в глаза:

– Полагаю, вы с помощью цифр хотите доказать, что ребенок стал жертвой маньяка?

Поколебавшись, Яна кивнула.

– Ах, Анечка, мне бы сейчас ваш энтузиазм, комсомольский задор! – Крутецкий засмеялся. – Только, увы, статистика чаще прячет зло, чем его изобличает. Тело – да, скажет о многом, а абстрактные цифры в данном случае – нет. К сожалению, наш город второй по величине в стране, соответственно, и показатели такие, что ни один самый трудолюбивый маньяк на них не повлияет. Если бы мы могли задать хотя бы еще один параметр… Например, географию, что вот в таком микрорайоне пропадает в три раза больше детей по сравнению со средним показателем. Или наблюдается рост исчезновений среди учеников одной школы.

– Вот я и хотела посмотреть… – прошелестела Яна.

Легонько хлопнув ее по коленке, Максим Степанович встал и прошелся по своему просторному кабинету, такому же холеному, как и сам владелец. У Мурзаевой вечно дым коромыслом, творческий беспорядок, китель брошен на спинке стула, полные пепельницы ощетинились окурками, как противотанковые ежи, а в кабинете Крутецкого настоящий начальственный лоск. На двух высоких окнах маркизы, по стенам грамоты в рамочках, двухтумбовый письменный стол со слоновьими ногами и бронзовыми вензелями, на нем массивная чернильница из мрамора и хрусталя и фирмен-

ный ежедневник в мягкой кожаной обложке, такие не продаются в канцелярских магазинах, а вручаются избранным. Все знают, что, когда Мурзаеву наконец проводят на пенсию с почетом и под ликующие вопли подчиненных, должность займет Крутецкий, и Яне внезапно стало очень неловко оттого, что такой человек запросто с ней беседует и вникает в ее мелкие делишки.

– К сожалению, Анечка, дети пропадают всегда, но, к счастью, далеко не все из них становятся жертвами преступления, особенно если речь идет о подростках. Связываются с дурной компанией или просто дают деру от родителей, и порой проходит много времени, прежде чем беглеца разыщут в какой-нибудь помойке, изрядно потрепанным, но все же живым и относительно здоровым.

– А если посмотреть только детей из хороших семей?

Крутецкий расхохотался:

– Анечка, милая вы моя… Хороших семей! Надо же сказануть такое! Нет, я, черт побери, действительно завидую вашей неопытности и наивности! Это вам очень повезло в жизни, раз вы до сих пор не знаете, что самый страшный ад скрывается за самыми красивыми дверями.

Яна потупилась, а Максим Степанович сказал, что потомство алкоголиков растет привольно и свободно, как сорная трава, а в так называемых благополучных семьях дети могут быть глубоко несчастны под прессом родительского самолюбия, безжалостно формирующего из них идеальных сы-

ночков и доченек, и порой давление становится таким невыносимым, что ребятишки сбегают из дому, оставив родителей в состоянии полного изумления – как это они, такие любящие, заботливые и в целом прекрасные, вдруг породили неблагодарное чудовище.

– Так что, Анечка, первый вам мой профессиональный совет – когда граждане на всех перекрестках декларируют, какая у них прекрасная семья, имеет смысл присмотреться к ним повнимательнее, – заключил Крутецкий.

– Спасибо, Максим Степанович, обязательно учту.

– Да уж сделайте милость, направьте основное внимание на ближний круг ребенка. Психологически я вас прекрасно понимаю, всегда хочется вынести зло за скобки, убедиться в том, что оно существует где-то вовне, а не является частью нашей жизни, поэтому ваше желание найти маньяка вполне понятно и даже делает вам честь, но, Анечка, патологический убийца все-таки большая редкость. Раритет, если угодно, а действительность обыденнее и страшнее.

Он остановился возле двери, и Яна, сообразив, что и так отняла слишком много времени, быстро поднялась с диванчика.

– Ну что, помог я вам?

– Да, спасибо.

– Что ж, тогда разрешите дать еще один совет, как говорится, в нагрузку, – подмигнул Крутецкий, – приятно видеть такое рвение у молодого специалиста, но, Анечка, надо пом-

нить, что не только одна работа есть на свете, в конце концов мы с вами прямо перед глазами имеем печальный пример, куда человека может довести трудоголизм.

С тонкой улыбкой он скосил глаза в сторону коридора, но Яна и без того поняла, что речь идет о Мурзаевой, и кивнула.

– Все-таки для женщины главное семья, и наблюдать, как прекрасный пол горит на работе, очень печально. – Крутецкий открыл дверь и, наклонившись к Яне, шепнул. – Не тратьте себя без остатка на всю эту нашу скорбную рутину, поверьте, оно того не стоит.

У Яны не было столько комсомольского задора, чтобы спорить с непосредственным руководителем, да и советы он дал такие, что возразить нечего.

Особенно тот, что семья для женщины должна быть на первом месте. Яна и без Крутецкого знала, что лучше повеситься, чем остаться старой девой, и семьи не заменит никакая, даже интереснейшая работа. Наоборот, увлеченность женщины своим делом превращает ее в бесполое и грубое существо, карикатуру на мужчину, каковой постулат наглядно иллюстрирует собой прокурор Мурзаева, наглая, хамоватая и прокуренная неряха. Не дай бог превратиться в такую, как она!

И в том, что убийцу надо искать в ближнем окружении, тоже Крутецкий прав на девяносто девять процентов, а если ошибается, то все равно на сегодняшний день у Яны нет ни одной ниточки, которая приведет к патологическому убий-

це. Ни тела, ни свидетельских показаний, ничего.

За что зацепиться? Естественно, она слишком неопытная, маньяк ей не по зубам, но хотя бы предположить, что это одно из серийных убийств, чтобы дело забрала городская прокуратура.

Яна нахмурилась, припоминая, как преподаватель уголовного права приглашал на занятия своего товарища, легендарного следователя Костенко, и тот рассказывал, какие на первый взгляд ничего не значащие мелочи могут изобличить преступника, и для убедительности привел пример, как вычислил маньяка, когда тела были еще не найдены. Наверное, подсознательное воспоминание о том занятии заставило ее сейчас именно так квалифицировать исчезновение Коли Иванченко… Да, точно, Сергей Васильевич Костенко тогда рассказывал, что возбудил дело об убийстве при отсутствии трупа, хотя и знал, что получит знатный нагоняй от руководства за такие дерзкие инициативы, но, глядя в глаза родителям, иначе поступить просто не мог. Кокетничал, наверное, кто бы осмелился ругать матерого волкодава, распутавшего сотни дел.

Яна открыла нижний ящик стола, где хранила все свои университетские конспекты. Она принесла их на службу в первый же рабочий день, втайне надеясь, что сослуживцы станут справляться у нее о новых достижениях и веяниях, а самые дотошные вообще будут экзаменовать, гонять по университетскому курсу наук, а у нее вот, пожалуйста, все

при себе. Только коллективу не было никакого дела ни до современных тенденций, ни до уровня академической подготовки нового сотрудника, и толстые тетрадки до сегодняшнего дня лежали мертвым грузом.

Достав конспект по уголовному праву, Яна принялась быстро его листать, невольно умиляясь, какая она была прилежная студентка, записывала каждое слово лектора.

Ага, вот и занятие с Костенко, которое она законспектировала только потому, что видела, старику это приятно. И никак не думала, что в работе пригодится именно оно.

Итак, шесть лет назад тоже пропал ребенок, и тоже из хорошей семьи, как Коля Иванченко. Родители ждали сына живым, а следователь подозревал маму и папу так явно, что довел отца до попытки самоубийства. После этого дело передали Сергею Васильевичу Костенко, который предположил, что мальчик стал жертвой маньяка. Изучив обстоятельства жизни пропавшего ребенка, Костенко в числе прочего выяснил, что парнишка посещал в районном Дворце пионеров литературный клуб с романтичным, но не самым оригинальным названием «Алые паруса». Казалось бы, ничего подозрительного, школьники пишут все, что хотят, и раз в неделю разбирают свои сочинения под руководством детского писателя Павла Горькова, который был и автором интересным, и занятия вел с воодушевлением, и вообще детей любил, поэтому в клубе всегда бывало довольно многолюдно и ребята приезжали на собрания даже из соседних районов.

На момент, когда Костенко заинтересовался клубом, «Алые паруса» уже вырастили плеяду талантливых писателей и журналистов и каждый год выпускали настоящую книгу, сборник с общим названием «Проба пера», и раскупали эти яркие томики не только восхищенные родители.

В общем, дети любили Горькова, родители обожали, а инспекторы детской комнаты милиции вообще молились на него, потому что он охотно работал с трудными подростками и умел найти к ним подход.

В самом деле, какая опасность может подстерегать ребенка в литературном кружке Дворца пионеров? Разве что там научат мыслить нестандартно, но это забота не прокуратуры, а другого ведомства.

Костенко хотел уже переключиться на другие версии, но чуткое ухо опытного следователя уловило в общем хоре хвалебных речей информацию, что Горькову неоднократно предлагали оформиться в штат и получать зарплату, но он категорически отказывался. Интересно, почему? На культурное развитие детей государство, слава богу, денег не жалеет, и дирекция Дворца пионеров совершенно спокойно могла бы оформить писателя на полставки, если он кристально честный, а то и на целую, исповедуй он главный принцип советского человека «сколько у этого государства ни воруй, своего не вернешь». Павел Николаевич был, по общему мнению, автор хороший, публикуемый, но не знаменитый и не получал таких заоблачных гонораров, по сравнению с кото-

рыми пионерские деньги – ничтожная мелочь. Почему же он так и не устроился официально? Уж не потому ли, что это потребовало бы учета ребят и фиксации их данных?

Где деньги, там всегда контроль, а на общественных началах – пожалуйста, твори что хочешь. А вдруг этот клуб и есть неявный общий знаменатель для пропавших детей? Ведь, поскольку занятия бесплатные, детей нигде не регистрируют, лишь записывают в обычной тетрадке, кто был, кто не был, и то не всех и не каждый раз. Костяк клуба, конечно, знает друг друга как облупленных, но много и таких, кто походит пару недель и бросает или посещает занятия долго, но скромно сидит в уголке, стесняется предложить на суд общественности свои творения и не выступает с критикой чужих, поэтому исчезновения его никто не заметит.

Юные таланты бывают очень скромны, и вообще подростки склонны скрывать от близких людей самые главные движения своей души. Сергей Васильевич, сам будучи отцом и дедом, прекрасно это понимал, поэтому предположил, что некоторые ребята посещали клуб втайне от своих родителей.

Костенко решил повнимательнее присмотреться к «Алым парусам» и зашел сразу с двух сторон. Оперативники деликатно и под разными предлогами опрашивали ребят, не пропадал ли кто из их товарищей по клубу, а сам Костенко методично связывался с родителями детей, находящихся в розыске.

В результате выяснилось, что за десять лет работы клуба

пропали двенадцать детей. В масштабах города – ничтожная цифра, но для пионерского кружка – чудовищно много.

Один парнишка, аккуратно расспрошенный оперативником, вспомнил, что около года назад некий Вадик хвастался, что Павел Николаевич приглашал его к себе домой, и вскоре перестал ходить на занятия. Ребята решили, что Вадька, которого Горьков хвалил и ставил в пример, окончательно зазнался, и забыли про него. А по злосчастному совпадению он не откровенничал с родителями и те понятия не имели о литературных опытах сына, соответственно, сыщики не вышли на «Алые паруса», когда парень пропал.

Появились весомые доводы взять Горькова в разработку, что и было сделано. Писатель вел себя как эталон советского человека. Много и плодотворно работал, помимо написания книг трудился редактором в журнале «Костер», был единожды и счастливо женат, вырастил из старшего сына морского офицера, младший учился в школе и готовился поступать в медицинский институт, супруга…

Род занятий жены в конспекте не был отмечен, и Яна нахмурилась, вспоминая. Где-то трудилась вроде бы на какой-то интеллигентной женской работе, но точнее память не дает, да это и какая разница? Было бы важно, она бы записала. Главное, что это была по всем параметрам прекрасная, плакатно-показательная семья.

Костенко рассказал, что разрабатывал эту версию буквально через силу, так ему не хотелось, чтобы достойный

советский гражданин оказался безумным убийцей. Прямых улик, впрочем, долго не находилось, пока следователь не получил информацию о принадлежащем семье Горькова доме в Псковской области. Там, в старом погребе, расположенном на самом краю леса, и обнаружили тела пропавших детей. Когда все это предъявили хозяину, тот выглядел ошеломленным страшной находкой и категорически отказывался признать свою к ней причастность.

Якобы он крайне редко наезжал в наследственное имение своей жены, потому что добираться туда далеко и неудобно. Чтобы дышать свежим воздухом, у них есть шесть соток в поселке Синявино, там магазин, и медпункт, и соседи, готовые прийти на помощь, если вдруг, не дай бог, что-то случится.

Деревня же в Псковской области давно заброшена, там обитают только баба Клава со своей коровой и еще парочка таких же безумных старух, нет ни телефона, ни дорог, и вывозить туда детей просто опасно. Младший мальчик Горьковых – астматик, ему в любой момент может потребоваться медицинская помощь, а в деревне взять ее негде. Поэтому Горьков наведывался туда хорошо если пару раз в году порыбачить и за грибами, да еще попариться в черной баньке, пока она совсем не обветшала. В погреб он якобы вообще не заглядывал, ибо ни к чему и страшно, ведь древние постройки имеют обыкновение падать тебе на голову, чуть потревожишь.

Несмотря на шок от ужасной находки, Горьков держался спокойно и доброжелательно, так что Костенко засомневался. Действительно, мало ли кто мог воспользоваться таким великолепным могильником, как погреб в заброшенной деревне? Но почему выбрали именно Горьковские постройки?

У Павла Николаевича не было личного автомобиля, и оперативных данных, что он пользовался чьей-то чужой машиной, не получили, так что он должен был добираться до места общественным транспортом и везти с собой жертву живой, что, наверное, было нетрудно, ведь дети доверяли ему безоговорочно.

До Пскова электричка идет три часа, потом двадцать минут на автобусе, а потом еще шесть километров пешком, в общем, ничего удивительного, что Горьковы не проводили на даче каждые выходные.

На электричку надежда призрачная, а в сельском автобусе катаются одни и те же люди, Костенко послал оперативников по маршруту и не прогадал. Нашлась семейная пара, вспомнившая, как однажды ехала вместе с мужчиной и мальчиком лет тринадцати, по виду городскими, и позже она уверенно опознала Горькова.

А там и мать первой жертвы припомнила, что сын, прежде чем исчезнуть, говорил, будто собирается с Павлом Николаевичем куда-то на природу, но тогда мать не придала этому значения, потому что сын был хулиган и шалопай, а товарищ Горьков, коммунист, писатель, наставник и ветеран войны,

никак не может быть замешан в чем-то нехорошем.

Костенко удивился, ведь Горьков был двадцать девятого года рождения и по возрасту не годился в ветераны, но оказалось, что он подростком воевал в Белоруссии в партизанском отряде «Красный октябрь», и так хорошо, что получил медаль «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Эта информация повергла Костенко в шок. У него, фронтовика, в голове не укладывалось, как человек, доблестно сражавшийся за свою Родину, мог на склоне лет превратиться в чудовище. В конце концов, пословицу «солдат ребенка не обидит» народ не просто так придумал.

Но бывший артиллерист Костенко знал и то, что раны, нанесенные войной, никогда до конца не зарубцовываются и хуже нет, когда ребенка заставляют стремительно взрослеть трагические обстоятельства.

Взрослые мужики на войне делают то, что должны, к чему готовы, и в конце концов, когда становится совсем тяжко, могут подлечиться с помощью водки и баб, а у детей нет этого утешения.

И в семье Горьков не мог отогреться, потому что гитлеровцы расстреляли всех его родных, недаром большинство его книг посвящены теме покинутого ребенка. Да, советский человек должен быть стойким и мужественно переносить все невзгоды, это так, но удары судьбы закаляют, когда близкие рядом, а одинокий человек от них только ожесточается. Лозунги лозунгами, а жизнь каждую минуту доказывает, как

легко сломить юную не окрепшую душу, если ей ниоткуда нет поддержки.

Костенко пытался найти хоть малейшее доказательство невиновности Павла Николаевича, но безрезультатно. Время смерти жертв определялось в таком широком промежутке, что для убедительного алиби требовалось длительное отсутствие в городе, между тем писатель был домосед. А когда при обыске в квартире нашли рубашку Горькова с застиранным пятном крови, по групповой принадлежности совпавшей с кровью последней жертвы, сомнения рассеялись. Теперь Костенко надеялся только на то, что психиатрическая экспертиза учтет военные травмы Горькова и признает его невменяемым, но жизнь, как обычно, распорядилась по-своему. Павел Николаевич умер в СИЗО от сердечного приступа.

Яна вздохнула. В филигранно проведенном расследовании не удалось поставить точку, ибо никого нельзя признать преступником иначе, как по приговору суда, поэтому оно не стало достоянием общественности и не прославило Костенко на всю страну. Впрочем, он и так был лучшим, живой легендой.

Уже закрывая тетрадь, она вдруг заметила внизу страницы слова «злые паруса», обведенные кружочком и с двумя восклицательными знаками по сторонам. Что это за приступ цинизма у нее случился? Яна присмотрелась, и перед глазами как наяву появился осанистый старик Костенко, засмеял-

ся, открыв отличные зубные протезы, и произнес: «Ребятки, доверяйте интуиции! Я ведь насторожился знаете когда? На двери у них так было написано, что я алые паруса прочитал как злые, сначала посмеялся, а потом думаю – стоп! А ну как неспроста!»

Как жаль, что она не Костенко и нет у нее ни опыта, ни интуиции, которая, в сущности, есть тот же опыт, растворенный в подсознании.

Убрав конспект на место, Яна достала из сейфа тощенькое дело Коли Иванченко. Вдруг увидит ту самую зацепку?

Яна так увлеклась работой, что телефонный звонок заставил ее вздрогнуть. Мама интересовалась, скоро ли дочь придет домой и будет ли на ужин запеканку.

Положив трубку, Яна улыбнулась. Крутецкий – умный человек и прав во всем, но хорошая семья иногда просто хорошая семья. Это несчастным и злым людям нравится думать, что у всех есть грязные секретики, а добрым и любящим можно быть только из-под палки. В ее семье, слава богу, не так.

⁂

Получив приглашение на юбилей Костенко, Федор Константинович Макаров хотел послать какую-нибудь вазу с гравировкой и адрес, но, немного поразмыслив, решил пойти. Старику семьдесят пять, и прокурор города не раз-

валится, если лично поздравит столь заслуженного работника. Будет много учеников Костенко, пусть видят, что живая легенда остается живой легендой даже после выхода на пенсию, возможно, это их воодушевит на созидательный труд.

Федор хотел взять с собой жену, но Татьяна с утра чувствовала себя неважно, и хотя во второй половине дня ей стало лучше, пойти в ресторан все же не рискнула. Что ж, он отправился один, понимая, что дает людям новый повод для сплетен о своей запутанной личной жизни.

Произнеся довольно, как ему самому показалось, теплый тост о том, что хоть ему и не посчастливилось быть учеником Костенко, Сергей Васильевич всегда был для него примером, на который он старался равняться, Федор расцеловался с юбиляром, поел салатиков и собрался уходить при первом удобном случае, но вспомнил молодость и расчувствовался.

В конце концов, чествует же он всяких высокопоставленных слизняков, так почему бы не посидеть на празднике у хорошего человека?

Выпив рюмку неплохого коньяку, Федор спустился в тесный и грязноватый холл ресторана. Понятное дело, что честный следователь за годы службы золотых гор не нажил, поэтому торжество проходило в полустоловке-полукабаке, какие во множестве расположены на вторых этажах типовых универсамов спальных районов и являют собой воплощенную мечту работника ОБХСС.

Странно, убогий мещанский шик этого места был Федору противен, но атмосфера вечера нравилась, и он решил остаться на горячее, если Татьяне не стало хуже.

К счастью, телефонный аппарат в холле работал, и жена сказала, что чувствует себя вполне здоровой, так что пусть он спокойно веселится и как следует поест, потому что она готовить не будет.

– Очень жаль, – вздохнул Федор, повесив трубку, обернулся и столкнулся с Максимом Крутецким, единственным человеком в прокуратуре, на котором костюмы сидели лучше, чем на нем самом.

Пожав руки, они остановились возле окна и стали смотреть, как от трамвайной остановки идет через пустырь припоздившаяся мамочка с коляской.

– Унылый пейзаж, не правда ли? – из вежливости спросил Федор.

– Будет вполне приличный вид, когда озеленят.

Федор кивнул и не стал рассказывать, как угнетает его типовая застройка, особенно по Правобережной линии, где бесконечное количество раз повторяются совершенно одинаковые кварталы.

– Федор Константинович, позвольте поблагодарить вас за вашу девочку, – вдруг заявил Крутецкий.

От удивления Федор даже растерялся и не сразу нашелся, что ответить.

– Я имею в виду вашу протеже Яну Михайловну.

– Кого?

– Яну Михайловну Подгорную, – терпеливо повторил собеседник, – вы рекомендовали ее нам на должность следователя.

– Ах, это! – вспомнил Макаров. – Супруга просто попросила помочь хорошей студентке. Что ж она, справляется?

– Да, потенциал есть.

Федор кивнул. Максим Крутецкий – работник перспективный, и очень может быть, что со временем окажется в его кресле, но сейчас времени на него потрачено достаточно. Выразив уверенность, что грамотный и сплоченный коллектив районной прокуратуры воспитает из девочки настоящего бойца, он вернулся в зал пообщаться с виновником торжества.

Сергей Васильевич состарился красиво, сохранил выправку, как у военного, и густые казацкие усы, теперь совершенно седые. Федору всегда казалось, что он похож на Чапаева, а с годами это сходство только усилилось.

Когда Федор вошел, официанты как раз накрывали столы для горячего, гости разошлись по залу, сбившись в маленькие компании, и Костенко стоял в окружении таких же стариков, как сам, наверное, фронтовых товарищей. Они беседовали так оживленно, что Федор постеснялся вмешиваться, только улыбнулся, поймав взгляд Сергея Васильевича, а подходить не стал.

Он заметил, что голоса стали звучать громче, многие лица

уже раскраснелись от выпитого, и наступала та стадия вечера, когда присутствие начальства только стесняет.

Федор быстро съел свое горячее, о котором нечего было сказать, кроме того, что оно горячее, еще раз расцеловался с юбиляром и отбыл домой.

На следующий день была суббота, и Федор настроился спать, пока не надоест, но Татьяна растолкала его в восемь. Ей срочно понадобилось за специями, которые, естественно, можно купить только на рынке и только рано утром.

Федор сел в кровати, понимая, что сопротивление бесполезно, но одну робкую попытку все же себе позволил:

– Танюш, а может, обойдемся?

– Ну конечно! – Пока он спал, жена уже собралась и в черном свитере и брюках была сама непреклонность. – Сам же плов попросишь, а зиры нет!

– Чего нет?

– Ты знаешь что. Не вдавайся в подробности, а делай что говорят.

– А ты уже совсем поправилась?

– Абсолютно.

– А может, лучше полежать? А? Строгий постельный режим, Танечка, творит настоящие чудеса.

Вместо ответа жена многозначительно постучала по циферблату своих часиков.

– Ладно, ладно, – Федор спустил ноги с кровати, – только

тогда давай, раз уж все равно на рынок едем, печенки купим. Сделаешь сегодня паштет?

Татьяна кивнула и вдруг поморщилась, прижала руки ко рту и выбежала из комнаты.

Быстро натянув брюки, Федор последовал за ней, но дверь туалета захлопнулась перед самым его носом. Подождав минутку, он постучал:

– Таня, у тебя все хорошо?

– Господи, зачем ты только про печенку вспомнил, – простонала она, – снова накатило.

– Извини.

– Не стой над душой, ради бога!

Федор отправился на кухню приготовить крепкий сладкий чай, который в семье считался лучшим средством от пищевого отравления. Наверное, Таня напрасно вчера поужинала, вот симптомы и вернулись. Он ополоснул заварочный чайник и взмолился, чтобы это действительно оказалось так, просто отравление, а не настоящая болезнь, называть которую он даже мысленно боялся.

В хлебнице обнаружился вчерашний батон, и Федор решил приготовить белые сухари, вспомнив, что жена делала такие для него и дочери Ленки, когда им случалось отравиться. Правда, произошло это раз или два за всю жизнь, потому что Таня строго следила за их питанием.

Только он поставил противень в духовку и отрегулировал газ, как вошла Таня.

– Черт знает что, – буркнула она, – минуту назад тошнило, а теперь дико хочу есть, прости уж за натурализм.

Федор показал на духовку, сквозь стекло которой виднелись бледные ломтики батона. Татьяна поморщилась:

– Да нет, я хочу жареных баклажанов. До дрожи просто. Такие, знаешь, аппетитные кружочки со сметаной и чесночком, ох…

– Тань, это сейчас тебе нельзя.

– И не сезон, как назло. Вот где их сейчас купишь?

– Ты не фантазируй, а пойди полежи, – заботливо предложил Федор.

– Да ну тебя!

– Правда, полежи. В таком состоянии мы все равно никуда не поедем.

– Поздравляю, добился своего, – фыркнула жена.

Федор не стал спорить, а молча принес тазик и поставил возле дивана, на котором устроилась жена. Потом застелил кровать, зная, как раздражает Таню неубранная постель, привел себя в порядок, проверил сухари в духовке и опустился в кресло со свежим томиком «Нового мира» и чашкой кофе, решив из солидарности не завтракать.

– Ну вот что ты расселся? – сварливо поинтересовалась жена.

– А что, Танечка?

– Ничего, Федя, просто ты дико меня бесишь!

– Да что я не так сделал?

– Просто бесишь самим фактом своего существования.

– Могла бы уже привыкнуть за двадцать-то лет.

– Сегодня как-то по-особенному. И баклажанов хочется, сил нет. Слушай, Федь, а попроси у Марины Петровны, наверняка у нее завалялась баночка, я знаю, она в этом году много закатывала.

Федор покрутил пальцем у виска:

– Тань, ты понимаешь, чего хочешь? Чтобы прокурор города побирался у своих подчиненных? Выцыганивал еду? Я уж молчу, что тебе еще неделю минимум нельзя такое.

– А ты скажи, что я ей за это торт испеку.

Он отмахнулся, но Татьяна не унималась:

– Хорошо, хорошо! Передай, что скажу рецепт своего яблочного пирога, за него она тебе душу продаст.

– Не нужна мне ее душа.

Татьяна рывком села на диване:

– Раз в жизни попросила человека что-то для меня сделать, так нет! Ты у нас пуп земли и центр вселенной, а мои желания ничего не значат.

Федор хотел поспорить, что никакой он не пуп, но вдруг сообразил, что жена действительно очень мало о чем просила его за все годы совместной жизни, по крайней мере для себя, и поплелся в коридор звонить Марине Петровне Мурзаевой, тем более что из-за вчерашнего юбилея появился благовидный предлог.

– Как там моя протеже, справляется? – спросил он, услы-

шав в трубке хрипловатое «алло».

– Путает пока еще понятия устройства на работу и хождения в народ, – фыркнула собеседница, – интеллигенция, что ты хочешь.

– Марина Петровна, я в вас верю! Из меня специалиста воспитали – и этот бриллиант отшлифуете.

– Эх, Федюнчик, там обтесывать и обтесывать, до шлифовки дело неизвестно когда еще дойдет, и дойдет ли вообще.

– Вот как?

– Высокомерие под маской скромности, все как я люблю, ты знаешь. Светоч разума и моральной чистоты явился в наш дремучий коллектив, и совершенно непонятно, почему мы все не пали ниц.

– Действительно… Марина Петровна… – Федор хотел аккуратно перейти к теме баклажанов, но Мурзаеву было уже не остановить.

– Инспектор Лосев в юбке просто, за каждым углом маньяки мерещатся.

– Серьезно? Появились такие данные?

– Ну да, конечно, все психопаты района бросили свои важные дела и побежали маньячить, специально, чтобы нашей девочке было на чем развернуться, а то на пьяных драках не так заметны ее нечеловеческий ум и проницательность.

– Вы уж простите, Марина Петровна…

– Да сделаю из нее человека, не бзди! Но будешь должен.

А можно к долгу еще кое-что приписать?.. Положив трубку, Федор сглотнул, но тут из кухни потянуло горелым хлебом, пришлось спасать остатки сухарей. С лязгом и грохотом он вытащил противень. Лежащие по краям кусочки батона слегка обуглились, зато центральные оказались самое оно.

Снимая сухари в тарелку, Федор неосторожно обжег палец, выругался, схватился за мочку уха, чтобы оттянуть жар, и не сразу заметил, как подошла Татьяна и остановилась на пороге кухни.

– Давай признаем, Федя, что готовка – это не твое.

Он молча запихнул противень в раковину.

– Так что? – продолжила Татьяна. – Марина Петровна даст баклажаны? Что она сказала?

– Сказала, что ты беременна. Но баклажаны даст.

⁂

С самого утра все шло вкривь и вкось. Собираясь на работу, Евгений чуть не прожег утюгом сорочку, каша убежала, залив плиту, а последняя луковица ударила в нос трупной вонью, как только он ее разрезал.

Мясо без лука – это дикость, но выхода не было, и Евгений пожарил бефстроганов с одной только морковкой, просто положил побольше перца в надежде, что мама ничего не заметит.

Похоже, он становится рассеянным, а это недопустимо.

Сегодня забыл про лук, а завтра что? Напьется и не придет ночевать? Надо помнить, что поражения армий начинаются с незастегнутой пуговицы, «враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя».

Несмотря на отповедь, которую он дал сам себе, в душе все равно остался неприятный осадок.

Сегодня у него четыре пары и отработка, значит, маму будет кормить Варя, единственный тимуровец страны, существующий не только в воображении пионерских работников. Хозяйственный ребенок заметит, что в блюде не хватает ключевого ингредиента, и, само собой, обратит на это мамино внимание. И тут не поймешь, радоваться или огорчаться такому рвению.

Переехав на новое место, Евгений не спешил знакомиться с соседями, и прошло много времени, прежде чем он стал узнавать их в лицо и здороваться. Бегала мимо какая-то девчонка с бантами и ранцем за спиной, звонко кричала ему «здрасьте!», он улыбался в ответ, и все.

Так бы и продолжалось, но полтора года назад он, остановившись возле своей двери, услышал тихий плач и поднялся посмотреть, что случилось.

Варя, тогда он еще не знал, как ее зовут, сидела на ступеньке и плакала, утирая слезы капроновым бантом. Оказалось, что замок заело, а бабушка на дежурстве до утра, и по всему выходит, что придется ночевать на лестнице.

Евгений попытался открыть, но ключ категорически от-

казывался входить в замочную скважину. Пришлось вести рыдающую девочку к себе домой, поить чаем и звонить бабушке в больницу.

Та работала медсестрой и отлучиться с дежурства не имела права, а родителей у Вари не было, Евгений до сих пор не знал, что с ними случилось, но по нечаянным проговоркам Авдотьи Васильевны догадывался, что дело в пьянстве.

В общем, сплавить девочку оказалось некуда, и Евгений, чертыхаясь, что вообще ввязался в это дело, с большим трудом разыскал жэковского слесаря и долго умолял его вскрыть дверь и врезать новый замок.

Это стоило ему трешки за работу специалиста плюс замок, и от возмещения он категорически отказался, чем навсегда завоевал сердце Авдотьи Васильевны, а Варя, простая душа, решила, что обязана взять шефство над больной беспомощной женщиной. Девочка обладала редким умением быть одновременно напористой и ненавязчивой, и Евгений оглянуться не успел, как выдал ей комплект ключей от квартиры. Варя стала забегать после уроков, кормила маму обедом, подавала судно, иногда бежала по своим делам, а иногда оставалась, делала уроки под маминым присмотром. Евгений думал, что скоро девочке это надоест, дети вообще быстро загораются и быстро остывают, но Варя отнеслась к добровольно взятым на себя обязательствам с ответственностью, сделавшей бы честь любому взрослому. Евгений сто раз говорил, что она ничего им не должна и пусть

заходит, только когда ей самой этого хочется, но за полтора года Варя ни разу не подвела.

Он видел, что девочка не только сильна духом, но и умна, ей тесно рядом с простоватой Авдотьей Васильевной, поэтому они с мамой пытались ее развивать, приобщали к хорошей литературе, помогали с уроками, а когда у Евгения на работе распространяли билеты в театр, он обязательно брал для Вари с бабушкой. И все равно не покидало чувство, что девочка делает для них больше, чем они для нее.

Авдотья Васильевна дежурила в Новый год, поэтому праздник Варя встречала с ними, Евгений для этого даже специально купил елку и дождик из фольги и достал с антресолей из самого дальнего чемодана костюм Деда Мороза, который при переезде не выбросил только чудом, потому что был уверен, что тот никогда больше не понадобится ему. Евгений купил Варе в подарок тоненькую серебряную цепочку, о которой она давно мечтала, и получился у них настоящий Новый год, с сюрпризами, хлопушками и мандаринами, и несколько минут, переодеваясь на лестнице в Деда Мороза и звоня в дверь с мешком подарков на плече, Евгений был по-настоящему счастлив.

Он не любил ничего делать по блату, но ради девочки выцыганил в профкоме приглашение на елку, и Варя пришла оттуда с огромным сундуком конфет и сказала, что представление было дико тупое, но подарок вроде ничего, и принялась их угощать, и Евгений с мамой ели карамельки и леден-

цы, а шоколадные оставляли Варе.

Иногда ему хотелось, чтобы Варя погрузилась в свои детские заботы и забыла про них. Да, станет тяжелее, стирки прибавится, ему придется так выстраивать расписание, чтобы мама не лежала весь день мокрой и голодной, то есть либо отказываться от последней пары, либо гонять домой в перерыве, но зато он перестанет быть эксплуататором детского труда.

Можно, конечно, перевернуть все с ног на голову и убедить себя в том, что одно вынесенное судно – небольшая цена за хорошее воспитание, но совесть не позволяла.

Точнее, ее остатки, потому что действительно порядочный человек просто отобрал бы у ребенка ключи, и все.

Придя на работу, Евгений обнаружил, что забыл сделать себе бутерброды, значит, придется обедать в столовой, а денег в кармане тридцать копеек.

Наверное, не стоит сегодня осуществлять то, что он задумал. И так шансов мало, а в столь бестолковый день точно ничего не получится.

В нос ударил характерный аромат «Красной Москвы», и, обернувшись, Евгений узнал завуча кафедры туберкулеза Зинаиду Константиновну Ануфриеву, дородную и холеную даму в солидных годах. Доверительно и уютно, как родная бабушка, взяв его под локоток, Зинаида Константиновна очень мягким, как в старину говорили, уветливым тоном попросила его не морочить людям голову, а немедленно поста-

вить зачет соискателю Ледогоровой. Ибо девочка – серьезный ученый, не какая-то там вчерашняя студентка, считающая, что добрая Родина подарила ей еще три года каникул, за которые надо в первую очередь устроить личную жизнь, а честная труженица, заведует отделением в противотуберкулезном диспансере, каковой не является ни Эльдорадо, ни Меккой для врачей, штат там укомплектован дай бог если процентов на семьдесят, зато пациенты – на все сто пятьдесят. Но, несмотря на такие спартанские условия труда, Лидия Александровна самостоятельно занималась научной работой и, только получив приличные результаты, оформила соискательство.

Евгений понял, что его хотят разжалобить, и неопределенно пожал плечами, а Зинаида Константиновна все разливалась в похвалах.

– Раз ваша протеже такая умница, то ей не составит труда постичь хотя бы азы нашей науки, – улыбнулся Евгений.

– Да господи боже ты мой! – воскликнула Зинаида Константиновна. – Когда прикажете ей этим заниматься? Была бы свиристелка какая-нибудь, я бы к вам не пришла, а Лида – серьезный ученый, да еще целое отделение тащит на своих плечах.

Евгений усмехнулся, ибо песня эта была ему до боли знакома. Разгильдяи, не желающие учить общественные науки, ближе к сессии все как один превращались в хороших мальчиков и девочек и серьезных ученых.

– А вы сухарь, – Ануфриева вдруг кокетливо толкнула его локтем, – настоящий неприступный сухарь. Такая интересная женщина к вам ходит, натуральная Кармен, а вы… Эх!

– Кто? Лидия Александровна? – уточнил Евгений.

– Господи, ну не я же! Лида – это просто чудо, загляденье! Любой мужчина сочтет за счастье ей услужить.

– Неужели? Не замечал…

– Страшно подумать, что станет с нашим миром, когда мужчины перестанут замечать красивых женщин!

Евгений заметил, что на рабочем месте Родина уполномочила его оценивать знания, а не красоту.

– Сухарь, совершенный сухарь! – Ануфриева погрозила ему пухлой ручкой, унизанной кольцами поистине исполинского размера. – Позвольте вам сказать, что вы ужасный зануда и формалист. Девушки таких не любят.

– Странные вы люди на кафедре туберкулеза, – усмехнулся он, – сначала является ко мне соискательница и не может ответить ни на один мой вопрос, а потом приходите вы и сообщаете то, о чем я не спрашивал.

Он думал, что Зинаида Константиновна обидится, но она, улыбаясь, сказала, что дерзость – симптом настоящего мужчины, из чего Евгений понял, что его собираются взять измором, и капитулировал:

– Хорошо, пусть приходит, сделаю все, что в моих силах. Естественно, не как мужчина, а как преподаватель.

Ледогорова прискакала в третьем часу, румяная с мороза

и с улыбкой до ушей.

Евгений пригляделся, пытаясь найти в ней ту неземную красоту, которая заменяет знание философии, но увидел только угловатую брюнетку с высокими скулами, раскосыми глазами и великоватым хищным носом.

А потом вдруг на секунду промелькнуло что-то, и больше он уже не мог отвести глаз.

Лидия Александровна отряхивала снег с плеч и шапочки, разматывала длинный шарф крупной выпуклой вязки и, смеясь, рассказывала, как сегодня стахановским методом переделала дела, отпросилась пораньше и боялась, что не отпустят, но, слава богу, коллектив понимающий. А он все всматривался со смутным чувством, что это вопрос жизни и смерти – вновь увидеть ее чудесное преображение.

С грохотом придвинув стул к его столу, Ледогорова села и оказалась так близко, что у Евгения закружилась голова, и ему пришлось уставиться на Фридриха Энгельса, сурово и с укоризной глядящего с портрета на своего заблудшего последователя.

Пауза, похоже, затянулась, потому что Лидия Александровна кашлянула.

– Вы занимались? – спросил он.

Она энергично кивнула.

– Тогда, учитывая вашу ситуацию, билет тянуть не будем, а я задам самый простой вопрос, – Евгений нахмурился, прикидывая, что гарантированно не вызовет затруднений даже

у слабо подготовленного человека, – коротенько изложите мне суть работы Владимира Ильича Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Буквально в двух словах.

– А, это легко! – Ледогорова просияла. – Это о критике империализма.

Евгений оторопел.

– Империализм это очень, очень плохо, – проникновенно заявила Лидия Александровна.

Евгений вскочил:

– Да вы издеваетесь, что ли, надо мной?

– Нет, а что?

– А то, что ситуация из серии «какого цвета учебник»! Если бы вы хоть раз его открыли, то увидели бы, что не империо-, а эмпириокритицизм.

– Ах вон как… Но империализм же все равно нехорошо?

– Да господи!

Евгений пробежался вдоль доски, злясь то ли на себя, то ли на соискательницу, то ли на основоположников за то, что много и плодотворно работали, а теперь их труды никто не хочет понимать.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста! – взмолилась Ледогорова. – Зинаида Константиновна обещала, что вы поставите!

Он отмахнулся:

– Я и так пошел вам навстречу, задал простейший, азбучный вопрос.

– Послушайте, но у меня действительно нет времени к вам

кататься.

– Тем более не нужно тратить его на напрасные поездки! – рявкнул Евгений. – Я же вам ясно сказал – готовьтесь.

– У меня просто мозг ломается от этой вашей науки… – упавшим голосом проговорила Ледогорова. – Как открою учебник, так дым из ушей сразу идет.

– Помнится, я вам и в этом помощь предлагал. А вы зачем-то Ануфриеву приплели…

Лидия Александровна энергично замотала головой:

– Нет, нет, я ни о чем не просила, просто Зинаида Константиновна очень за меня переживает.

Евгений хотел удержаться, но не смог:

– А она не переживает, что допускает к самостоятельной научной работе человека, сломавшего, как вы говорите, мозг на самых азах философии?

– За это не волнуйтесь, – Ледогорова встала и резким мужским жестом одернула пуловер, – что ж, если упрашивать вас бесполезно…

– Бесполезно, – буркнул Евгений, стараясь не смотреть на ее небольшую высокую грудь.

– Тогда я пойду. Всего хорошего.

Он долго смотрел, как она быстро уходит по длинному коридору, на ходу накручивая свой шарф, длинный, как шлейф. Когда дверь на лестницу закрылась за ней, Евгений отправился в туалет курить, недоумевая, почему он вроде бы поступил как честный человек и принципиальный препода-

ватель, а на душе такое чувство, будто опозорился.

До следующей пары оставалось еще полчаса, и он, позвякивая в кармане своими богатствами в размере ноль рублей тридцать копеек, отправился в столовую.

Первое, что он увидел, войдя в низкий зал, пропахший котлетами, был знакомый шарф. Ледогорова стояла в очереди вместе с парнем совершенно былинного вида. Лицо его показалось Евгению знакомым, и, кажется, он сам тоже пробудил в молодом богатыре какие-то смутные воспоминания, потому что тот поглядывал на него, хмурясь. Явно они пересекались, но где и когда, осталось загадкой для обоих. Взяв поднос, Евгений встал за ними, надеясь, что Ледогорова его не заметит, но, услышав ее речь, понял, что лучше было бы сразу дать о себе знать.

– Дебил, придурок, черепаха унылая, – громко высказывалась Лидия Александровна, – маменькин сынок! Конечно, когда ему еще насладиться положением доминирующего самца!

На секунду Евгений понадеялся, что речь идет не о нем, но соискательница в следующем же предложении развеяла его сомнения, одним махом припечатав всех никчемных мужиков, которые совершенно заплесневели и оскотинились в гуманитарных науках и мстят нормальным людям за то, что женщины им не дают.

Он подумал уйти, пока она его не заметила, но, с другой стороны, не ходить же голодным оттого, что всякие невоспи-

танные дуры орут о тебе всякие гадости.

– Не дай бог, он заболеет, просто не дай бог! – напористо продолжала Лидия Александровна. – Попадись он только ко мне в руки, так будет сначала пятьдесят восемь клизм, а потом только уже все остальное лечение.

Евгений не удержался, фыркнул, и Ледогорова обернулась.

– Ой, простите! – От смущения она так похорошела, что у Евгения засосало под ложечкой.

– Ничего страшного. Пятьдесят восемь, значит? Но вы же доктор, как же ваш гуманизм?

– Какой гуманизм, окститесь! Вы ж марксист, стало быть, исключительно классовый подход.

Евгений вздохнул:

– В принципе логично. Ладно, приятного аппетита, Лидия Александровна, ешьте спокойно, я не сержусь.

Ледогорова тоже пожелала ему приятного аппетита и, расплатившись, ушла со своим молодым человеком за свободный столик в углу.

Евгений купил булочку и коржик, решив, что чай попьет у себя на кафедре.

Пока расплачивался, пытался вспомнить, где все-таки видел этого исполинского парня, но ничего не вышло. И о том, что такие удивительные девушки, как Лидия, не бывают одиноки, печалиться тоже не стал. Мечты и воспоминания давно не для него, потому что будущего у него нет, а в прошлое

возвращаться нельзя.

Поймав его взгляд, Ледогорова улыбнулась, и на душе вдруг стало хорошо и спокойно, как не бывало уже много лет.

Евгений подошел к ней:

– Давайте мы вот как сделаем. Как только вы подготовитесь хоть самую малость, позвоните на кафедру, и я приму у вас экзамен по телефону, а потом сам занесу ведомость в отдел аспирантуры. Устраивает такой вариант?

Она поблагодарила так искренне, что Евгений совсем расчувствовался и подумал, что сегодня как раз тот самый редкий случай, когда плохой день превращается сначала в очень плохой, а потом внезапно в прекрасный, и то тягостное дело, которое он давно откладывал под разными предлогами, непременно удастся.

⁂

Плакать на рабочем месте уже вошло у Яны в традицию, но сегодня это были не просто глаза на мокром месте, а настоящие слезы градом, и казалось, что всхлипывания ее слышит вся прокуратура.

Заходил Юрий Иванович, против обыкновения почти трезвый и приветливый. Отчитался о работе с родителями одноклассников Коли Иванченко, которые ничего не знали, а если знали, то не сказали, и поинтересовался, нет ли у нее

каких идей. Яна, введенная в заблуждение его дружеским тоном, призналась, что подозревает маньяка, только пока не видит ни одной зацепочки, которая помогла бы его вычислить и вообще подтвердить сам факт его существования. «Вот Костенко же вычислил Горькова потому только, что тот не хотел оформляться официально», – начала она, но Юрий Иванович не дал ей договорить. Все благодушие с него как ветром сдуло. «Ты что о себе возомнила? Что надумала? – закричал он. – Издеваешься надо мной, что ли, дура малолетняя!» Обозвал ее еще похуже и ушел, хлопнув дверью так, что стены загудели.

Понятно, что у него на почве алкоголизма наступили необратимые изменения личности, но Яна тут при чем? Почему она должна терпеть оскорбления? В конце концов, разве это профессионально – в рабочее время рыдать, а не расследовать преступления? Да, есть такое правило – терпеть хамство и необязательность, самому доделывать за товарищем по работе, но ни в коем случае не докладывать начальству, чтобы не прослыть стукачом, но разве это хорошо? Разве полезно для коллектива?

Мурзаева, понятное дело, скажет, что Яна должна научиться находить общий язык с коллегами, но как, скажите на милость, это сделать, если человек тебя оскорбил и ушел? Бежать за ним?

Судорожно всхлипнув, Яна вытерла глаза и пошла за советом к Максиму Степановичу. Тот пил чай из стакана в кра-

сивом серебряном подстаканнике, а на тарелочке перед ним лежали два румяных домашних пирожка. Пиджак Крутецкий снял, сидел в одной сорочке, и Яна хотела ретироваться, извинилась, что помешала, но хозяин радушно улыбнулся:

– Заходите, заходите, Анечка! Составите компанию?

Она отрицательно покачала головой.

– Жаль, жаль. А вы опять плакали?

Она пожала плечами, а Крутецкий, заговорщицки улыбнувшись, достал из недр своего стола красивую чашку с узором из незабудок:

– Я вас все-таки угощу. Как говорится, выпей чайку – позабудешь тоску.

Крутецкий встал, чтобы налить ей чаю, и Яна невольно залюбовалась им. Без пиджака он выглядел не так официально, не начальником, а просто красивым мужчиной, и Яна на секунду позволила себе помечтать. Нет, понятно, что он ни при каких обстоятельствах не заинтересуется ею, но господи, в теории…

– Сахару? Нет? Правильно, я тоже люблю ничем не замутненный вкус. Ну, рассказывайте, кто вас обидел? Какой негодяй затуманил эти ясные глазки?

Приняв из рук Крутецкого чашку, Яна наябедничала на Юрия Ивановича.

Максим Степанович покачал головой:

– Ах, Анечка, какая же вы еще маленькая и глупенькая! Ну разве можно так?

– Как? Я просто поделилась с ним своими мыслями…

– А должны были дать указания. И потом, вы действительно слишком рано стали сравнивать себя с Костенко, не находите?

– Что вы, я не сравниваю…

– Знаете пословицу: что позволено Юпитеру, не позволено быку? – перебил Крутецкий. – Сергей Васильевич – уникальный профессионал, заслуженный ветеран следствия, а вы, извините… Сами подумайте, что должен чувствовать опытный оперативник, когда девочка, которой по-хорошему в куклы играть, а не преступления расследовать, призывает его в крестовый поход на несуществующего маньяка, уверенная, что справится не хуже такого волкодава, как Костенко?

Яна потупилась.

– Вот именно, Анечка. Вы умница, но очень многому предстоит еще учиться, в том числе важнейшему в нашем деле навыку работы с людьми. На сегодняшний день, простите, но вы ноль, даже меньше, чем ноль, потому что ваши амбиции не помогают, а мешают делу. Я вам это говорю только и исключительно ради вашей же пользы, поэтому не расстраивайтесь, а пейте спокойно чай.

Она послушно сделала глоток.

– Надо двигаться поступательно, от простого к сложному, – продолжал Максим Степанович, деликатно не замечая, что она снова плачет. Пришлось поставить чашку на стол и по-детски промокнуть глаза рукавом блузки, потому что

платок она забыла взять с собой.

– Я стараюсь…

– Я вижу, но, Анечка, во взрослой жизни важен результат. Звучит цинично, зато правда. Хотите заявить о себе – раскройте дело. Ну все, все…

Он сел рядом с Яной на готический диванчик и обнял ее за плечи:

– Успокойтесь. Вот, возьмите, – с этими словами Крутецкий протянул ей идеально проглаженный клетчатый носовой платок, – дарю, совершенно чистый. Вытрите глазки. А то проплачете всю свою красоту и что тогда делать?

Яна всхлипнула, и он мягко вложил платок ей в руку.

– Пожалуйста, пользуйтесь, не стесняйтесь, у меня есть еще. Ей-богу, не стоит так убиваться из-за работы. Я вам уже говорил, но, так и быть, повторю – в первую очередь вы красивая девушка, а потом уж следователь, ну а что касается профессионального роста, то первый навык, который вам нужно освоить, – это перестать плакать при каждом удобном и неудобном случае. Договорились?

Яна поняла, что аудиенция окончена, поблагодарила и ушла к себе.

Папа часто повторял, что сначала ты работаешь на зачетку, а потом зачетка работает на тебя, и в университете Яна убедилась, что действительно так оно и есть. К третьему курсу экзаменаторы начали встречать ее ласковой улыбкой и ни разу не дослушали до конца билета, обрывали на первом,

максимум на втором вопросе, а на защите диплома наперебой хвалили ее работу, но похоже было, что ни один из членов комиссии не прочел ее дальше титульного листа. И она привыкла, что в ней видят умницу и отличницу, и как-то не сообразила, что здесь, на рабочем месте, спасительной пятерочной зачетки у нее нет. Она кончилась вместе с университетом, и теперь надо зарабатывать себе новую. Нет никакого смысла подпрыгивать, кричать: «Я умная! Я знаю!» – потому что для работы этого мало. Тут надо действовать, а главное, принимать решения.

Надо разобраться с делом Коли Иванченко, а для этого в первую очередь набраться сил и еще раз поговорить с родителями. Яна энергично вытерла лицо платком Крутецкого. Как ей не хотелось снова идти в эту семью, господи… Наверное, поэтому и выдумала маньяка, чтобы не общаться с родителями лишний раз, не задавать им бестактных вопросов и не находить слов утешения. Но надо привыкать, теперь это ее работа, от которой нельзя увиливать и скрываться за придуманным злом.

Иванченко жили в огромном сталинском доме с помпезным фасадом и простенькой кирпичной изнанкой, обращенной во двор. Квартиры тут считались очень хорошими, но Яне не нравилось это место, казалось мрачным и тоскливым, даже новенькая детская площадка с ярко раскрашенной горкой и высокими качелями не добавляла веселых красок. Возле почти каждой парадной была лесенка в подвал, а поодаль

стояло несколько железных коробок гаражей, и Яна подумала, а все ли укромные уголки возле дома облазил Юрий Иванович? Заглянул ли, например, на чердаки, которые в таких старых домах обширные и полны разных закутков?

Открыл Колин отец и проводил ее в большую комнату, усадил на диван, чуть позже вышла мать, опустилась в кресло и сразу закурила. Яна старалась не смотреть в глаза этим людям, переносящим самое страшное – пытку неизвестностью.

Не смотрела она и по сторонам, изо всех сил пытаясь не замечать беспорядка, который, кажется, пытались ликвидировать перед ее приходом, но поняли, что ничего не выйдет, и бросили. Мать сидела в застиранном халате, с небрежно схваченными аптечной резинкой волосами, ее рука с сигаретой подрагивала. Отец держался чуть лучше. Заметив, что жену знобит, он быстро принес откуда-то шаль и укутал ее. На пороге появилась высокая пожилая женщина, молча кивнула и сразу исчезла в глубине квартиры. Яна знала, что это бабушка, специально приехавшая ухаживать за младшим ребенком, двухлетней дочкой Иванченко, потому что мать находилась в таком отчаянии, что была не способна это делать.

Яна как могла мягче попросила родителей вспомнить, что случилось незадолго перед исчезновением Коли. Не появилось ли у мальчика новых приятелей или увлечений, не рассказывал ли он родителям чего-нибудь необычного? Нет, по словам родителей, мальчик вел самый обычный образ жиз-

ни, с удовольствием ходил в школу и мечтал про Новый год и зимние каникулы. Друзья его хорошо известны, все вхожи в дом, родители общаются между собой, все приличные люди.

– Коля – хороший домашний мальчик, – выкрикнула мать, – и дома ничего, кроме любви, не видел.

Она закрыла лицо руками, а Яна сглотнула, не находя слов утешения, которые не прозвучали бы издевательски. Нет, не к чему придраться. Родители обожают сына, в курсе всех его дел, ребенок делится с ними своими планами и переживаниями. Во время обыска не нашли абсолютно ничего компрометирующего, просто образцово-показательное жилье. Тогда в квартире было чисто, удобно, даже на антресолях не залежи векового хлама, а предметы, которыми пользуются, просто не каждый день, а время от времени: лыжи, коньки, чемоданы, ведра для генеральной уборки. В Колиной комнате тоже царил порядок. В шкафу вещи рассортированы, лежат аккуратными стопочками, книги на стеллаже, в письменном столе – тетрадки. На диване старый плюшевый мишка, товарищ младенческих лет, не отданный на растерзание младшей сестренке, возле окна радует глаз аквариум с рыбками, тоже ухоженный, нарядный. Никаких тайничков, рисунков или записей неподобающего содержания, ничего, что могло бы встревожить или огорчить родителей.

Но ведь у нее самой дома точно так же! Если она вдруг станет жертвой преступления, то следствие тоже не найдет

в ее комнате ничего компрометирующего. Она даже дневников тайных никогда не вела, и страстных писем ей возлюбленные не писали…

Все в порядке с этой семьей, и не надо лишний раз оскорблять их, подумала Яна, но все-таки спросила, не ссорился ли Коля незадолго до исчезновения с кем-то из родителей.

Мать вскочила и, кажется, хотела ударить Яну, но папа перехватил. Женщина забилась в его руках, крича, что от этой милиции нет никакого толку, присылают каких-то малолетних дур, которые ничего не понимают, ничего не могут, работать не хотят, только и знают, что душу мотать и всю ответственность перевалить на самих потерпевших.

Яна вздохнула. Хоть она работала и недолго, песни эти были ей уже хорошо знакомы, но тут такая ситуация, что невозможно упрекать несчастную женщину и испытывать к ней что-то, кроме глубокого сочувствия.

Одно дело, когда тебя обзывает алкаш Юрий Иванович, и совсем другое – когда мать, потерявшая ребенка. Тут не будешь обижаться и плакать, потому что ее горе в миллион раз страшнее твоей мимолетной обидки.

Она поднялась, обещала сделать все возможное, мать оборвала: «Слышали уже», и Яна пошла к выходу.

Отец догнал ее на лестнице, в пальто, накинутом прямо на тренировочный костюм, и предложил проводить до метро. Яна сказала, что не нужно, но он все равно пошел.

Крупные хлопья снега летели с неба черно-синего, как ба-

клажан, оседали на воротнике и густых волнистых волосах Колиного отца, и в тусклом свете фонарей казалось, будто он стремительно седеет.

На детской площадке было еще полно ребят, воздух полнился их звонкими голосами, и Яна невольно ускорила шаг.

– Как вы думаете, есть шанс? – спросил Иванченко, крепко сжав Янино плечо. – Ведь тело не нашли…

– Мы делаем все возможное, – сказала Яна и тут же рассердилась на себя за эту казенную фразу, но ничего другого в голову не приходило.

Колин отец прерывисто вздохнул:

– Мы ведь так хорошо смотрели за ним… Так боялись, что с ним что-то случится… Я был уверен, что просто не переживу этого, однако ж вот, я жив, а Коля… Неужели когда-нибудь придется произнести это вслух? Господи, а Ниночке как я скажу?

Яна насторожилась:

– Кто такая Ниночка?

– Моя первая жена. Она любит Коленьку как родного.

Яна впервые слышала про первую жену Иванченко, поэтому не поехала домой, а вернулась на службу, хотя рабочее время давно закончилось. Еще раз перелистала дело: нет, папа Коли Иванченко ни разу не упомянул о том, что женат вторым браком, и оперативники тоже не предоставили этой информации. Почти на сто процентов никакого значения она

не имеет, но проверить надо. Дело пополнится новыми бесполезными документами, и то хлеб.

Отложив скоросшиватель, Яна протянула руку к телефонной трубке, но как представила, что придется говорить с противным Юрием Ивановичем, сразу отдернула, будто от горячей сковородки. Нет уж, спасибо, достаточно она от него наслушалась.

Яна решила сама установить личность первой супруги и выглянула в коридор. Вдруг кто из коллег тоже припозднился на работе и подскажет ей, как быстрее всего решить проблему такого рода.

Гулкая пустота коридора испугала Яну, а лампы дневного света под потолком мерцали так тревожно, что ей захотелось поскорее бежать домой, бросив все дела.

Но надо уметь преодолевать себя. Оглядевшись внимательнее, она заметила, что дверь кабинета Крутецкого чуть приоткрыта. Наверное, ничего плохого не будет, если она заглянет. Максим Степанович сам триста раз приглашал ее заходить запросто с любыми проблемами. И вообще Яне захотелось, чтоб он увидел и оценил ее трудовое рвение. Все давно дома, а она корпит над делами, молодец и умница.

Из деликатности Яна осталась стоять на пороге кабинета, полагая, что Крутецкий сейчас даст ей номер, по которому звонить для установления личности и распрощается, но он предложил войти радушно и даже настойчиво.

– Как приятно видеть такое рвение в сотрудниках, – ска-

зал он ласково, усаживая ее на диванчик, – но вы, Анечка, не привыкайте… Работать надо в рабочее время. Вашему молодому человеку наверняка не понравится, если вы будете засиживаться вечерами.

Яна вздохнула, а Крутецкий осторожно взял ее за подбородок и заглянул в глаза:

– Понимаю, понимаю. Несчастная любовь, не так ли? Отчаяние и разочарование? Можете не отвечать, я по глазам вижу, что угадал. Но, Анечка, дорогая моя, как в песне поется? Одна снежинка еще не снег.

– Одна дождинка еще не дождь, – вздохнула Яна многозначительно, хотя никакого особенного отчаяния и тем более разочарования в ее жизни до сих пор не случалось, к счастью или к сожалению, никто ей сердца не разбил, она спокойно ждала своего единственного. Бешеным успехом у молодых людей не пользовалась, но всегда нравилась кому-то, кто категорически не нравился ей, а сама бывала чуть-чуть влюблена и немножко очарована кем-то, кто совершенно ее не замечал, но верила, что когда-нибудь все совпадет. Только говорить Крутецкому, что он ошибся, Яна постеснялась.

Максим Степанович заглянул в шкаф:

– Не хотите бокал вина, Анечка?

– Нет, спасибо.

– Зря отказываетесь. Я ведь предлагаю не просто выпить, а продегустировать бутылочку настоящей «Алазанской долины», которую мне прислали из Грузии. Попробуйте, про-

сто чтобы почувствовать его изумительный вкус, ибо здесь вы не купите этого вина ни за какие деньги.

– И все-таки неудобно…

Крутецкий засмеялся:

– Ах, Анечка, неудобно на потолке спать. Чисто из исследовательских соображений, с научной целью… Буквально капельку, и потом, что может быть неудобного в исполнении приказа? Субординация, Анечка, это вообще самая удобная вещь на свете. – Максим Степанович взял темную бутылку без этикетки, ловко вкрутил в пробку штопор и вытащил его непринужденно, будто совершенно не прилагая усилий. Раздался легкий хлопок, а Яна вспомнила, как они с мамой и двоюродной сестрой пытались открыть бутылку сухого вина, чтобы отметить мамин день рождения, и так ничего у них и не вышло. Проклятая пробка сидела, как приваренная.

Тем временем Максим Степанович достал из того же шкафа два высоких узких бокала и примерно на треть наполнил их жидкостью, до отвращения похожей на трупную кровь.

– И я только пригублю, ибо за рулем. Ну, давайте, за ваши профессиональные успехи и личное счастье.

Чокнулись, бокалы звякнули неприятно громко. От вина пахло спиртом, и пить его очень не хотелось. Яна сделала вид, что глотнула и хотела отставить бокал, но Крутецкий мягко придержал ее руку:

– До дна, Анечка, до дна. Иначе я решу, что вы мне не доверяете, и обижусь.

Выпив залпом, как лекарство, она хотела встать и помыть бокалы, но Максим Степанович удержал ее на диванчике и сам сел рядом, так близко, что почти обнимал ее. Яна снова дернулась, но рука его крепко держала ее за плечи.

– Следующий бокал выпьем на брудершафт, а пока дайте-ка сюда пустую тару…

– Простите, – пискнула Яна, – я, наверное, пойду.

– Конечно, дорогая моя, конечно.

Продолжая обнимать ее одной рукой, другой Крутецкий взял у Яны пустой бокал и поставил на письменный стол:

– Нет, Анечка, пожалуй, на брудершафт мы с вами выпьем чуть позже, а второй тост я произнесу за то, что вы всегда найдете во мне надежного друга и наставника. Впрочем, надеюсь, что вы это и так уже знаете, верно?

– Да, да. – Яна попыталась встать, но Крутецкий надавил ей на плечи.

– А какой милый предлог вы придумали, чтобы зайти ко мне, – ухмыльнулся он, – просто прелесть.

Рука его скользнула между Яниных коленей. То ли вино так подействовало, то ли дикость ситуации, но Яна, с одной стороны, понимала, что происходит, а с другой – не могла поверить, что это происходит по-настоящему и с ней, а не с кем-то другим. В последней надежде, что ошибается, она молча схватила руку Крутецкого обеими своими руками и отодвинула от своих бедер. Тогда, усмехнувшись, Максим Степанович положил руку ей на грудь.

Яна изо всех сил толкнула его и вскочила.

– Как вы смеете! Прекратите! – выкрикнула она.

Максим Степанович положил ногу на ногу и взглянул на нее совершенно спокойно.

– С вами все в порядке, Яна Михайловна? – спросил он весело. – А то вы как-то странно себя ведете.

– Я?

– Больше я никого здесь не вижу. Посмотрите на себя, вы красная, взъерошенная, что-то кричите… У вас, случайно, нет температуры?

Яна едва не задохнулась от возмущения:

– Но вы приставали ко мне!

Крутецкий засмеялся:

– Что же надо иметь в голове, чтобы вообразить себе такое. – Он развел руками точно и выверенно, как драматический артист. – Если вы, уважаемая Яна Михайловна, росли в лесу и не умеете отличить простую вежливость от флирта, то это, извините, ваша проблема.

– Нет, я как раз могу…

– Ах, так вы, оказывается, эксперт в этом вопросе! Простите, не знал.

Яна рванулась к выходу, но Максим Степанович преградил ей дорогу, встав в дверном проеме, скрестив руки на груди и глядя на нее с ледяным спокойствием:

– Яна Михайловна, я вас не звал, вы по собственной инициативе пришли ко мне, а когда я принял вас демократич-

но, не как подчиненную, а как товарища, вы поняли это настолько превратно, что у меня просто нет слов… – Он снова развел руками и покачал головой. – А я ведь всего лишь хотел помочь вам освоиться в коллективе, поддержать молодого специалиста. Боюсь, что ничем иным не могу объяснить ваше странное поведение, кроме как патологическим опьянением, поэтому от души советую вам быть аккуратней с алкоголем.

– Выпустите меня!

– Конечно, конечно. Я всего лишь хочу вас успокоить. Не переживайте, я порядочный человек, и хоть вы повели себя крайне настораживающе, от меня никто не узнает об этой вашей возмутительной выходке, только впредь, пожалуйста, держите себя в руках. А пока всего хорошего, уважаемая Яна Михайловна.

Крутецкий посторонился, и Яна молча выскочила из его кабинета, стремительно собралась и побежала домой так быстро, будто за нею кто-то гнался. Слезы, всегда легко готовые пролиться, сейчас застряли где-то в горле и душили ее. Вдруг действительно она поняла его превратно? Нет, когда жадная мужская рука лезет тебе под юбку, тут никаких скрытых смыслов нет и быть не может. Конечно, Крутецкий к ней приставал, это факт, но, наверное, она дала ему повод думать, что не против. Нельзя было заходить к нему в девятом часу вечера, и вино пить тоже… Если бы она категорически отказалась от вина, Крутецкий понял бы, что ничего

ему не светит, и рук бы распускать не стал. И вообще, наверное, пора ей понять, что не все люди братья, а наоборот, каждый за себя и просто так помогать никто не станет. Сразу она должна была насторожиться, почему это Крутецкий такой добрый, и догадаться, какое вознаграждение он ждет в обмен на свое покровительство.

Она сама не просто допустила, а спровоцировала это безобразие, и спасибо Максиму Степановичу, что обещал молчать.

⁂

Евгений с трудом нашел дом на улице Бабушкина. Он был тут всего один раз еще пионером, и впечатление осталось такое тягостное, что с тех пор он не любил этот район.

Сейчас, в сумерках, тесно стоящие вдоль проспекта сталинские дома казались красивыми, таинственными и тревожными, но во дворе, куда он попал, пройдя через высокую арку, были уже совсем другие постройки, легкие кирпичные пятиэтажки времен оттепели. Увидев на одном из стоящих в ряд домов бетонный барельеф, изображающий девушку с полными ногами, протянувшую ладони к солнцу, Евгений понял, что пришел. Эта картина почему-то врезалась тогда в память, а сейчас при взгляде на нее начали всплывать и другие подробности.

Поднявшись по чисто вымытой лестнице на третий этаж,

он позвонил в дверь, выглядевшую точно так же, как и двадцать лет назад, и, когда Галя открыла, по инерции Евгению показалось, что и она тоже совсем не изменилась за этот долгий или, наоборот, короткий срок. Отворив дверь, Галя быстро отступила назад, освободила ему место в узком коридоре.

Евгений снял ботинки, присовокупив их к общей куче обуви на полу, и в одних носках прошел за Галей в кухню, где на плите что-то булькало и кипело, а на столе вокруг разделочной доски громоздились очищенные овощи. Галя, длинная и чуть сутуловатая, как и он сам, резким движением подбородка указала ему на табуретку.

Евгений сел, подобрав ноги.

– Возмужал, – сказала Галя, вытирая руки о край фартука.

– Постарел.

– Ну не без этого, конечно. Значит, решил вспомнить о корнях, объединить семью…

Евгений кивнул.

– Хорошо, Женя, это очень хорошо. Главное, вовремя.

– Правда?

– Ну конечно, Женечка, дорогой ты мой! Теперь, когда вы все себе захапали, переварили и впали в ничтожество, наступил самый подходящий момент родным людям держаться вместе. Только прости, родной человек, – взяв нож, Галя принялась быстро нарезать картофелину. Лезвие мерно стучало по разделочной доске, – прости, но у меня есть своя се-

мья, и мне хватает забот помимо того, чтобы выносить дерьмо за твоей мамочкой.

– Галя, с этим я справляюсь сам.

– А зачем тогда?

– Ну как… Она скучает по тебе. Хочет повидаться, попросить прощения…

– Милый мой, когда просят прощения, в первую очередь возмещают ущерб, это я тебе как специалист говорю.

– Ну так мы вроде бы тебя при обмене не обидели.

– Не обидели? – взвилась Галя и, отложив нож, изобразила поясной поклон, насколько позволяло тесное пространство. – Не обидели? Ну спасибо тебе, милостивец! Не обидели, бросили комнатуху в коммуналке с барского плеча, когда по-хорошему мы с твоей мамочкой должны были поделить квартиру пополам.

– Галя, я сейчас не об этом.

– Удобно устроились! – фыркнула она. – Мамаша твоя обобрала меня до нитки, чашки не оставила, а теперь давай, Галя, глотай обиду, мириться будем! Вообще-то, Женя, лично к тебе у меня никаких претензий нет, хочешь общаться, давай, но за мать свою не проси, не заикайся даже. Плохое не хочу говорить, а хорошего сказать нечего. Ты тогда маленький был, просто не помнишь…

Евгений пожал плечами:

– Помню, как мы дружили с тобой. Ты в зоопарк меня водила, в киношку… Математику решала за меня, пока никто

не видит.

Отложив нож, Галя достала из ящика стола начатую пачку сигарет «Стюардесса» и протянула Евгению. Он угостился, а пока искал глазами спички, Галя прикурила от горящей конфорки и протянула ему свою сигарету угольком вперед.

– Ничего, что прямо тут, среди продуктов? – спросил он, а Галя, отмахнувшись, открыла форточку.

– Ты хороший был парнишка и уже достаточно большой, чтобы настоять на своем, – усмехнулась она, – лично я разрешала сыновьям в двенадцать лет иметь собственное мнение, а ты, бедняга, наверное, до сих пор не знаешь, что это такое.

Евгений пожал плечами:

– Не обо мне сейчас речь. Мама скучает по тебе. Да и ты тоже…

– Прости, но нет.

– Неизвестно ведь, сколько ей еще осталось. Она бы очень хотела с тобой примириться, да и ты, наверное, тоже иногда об этом думаешь, Галя. Хотя бы о том, что вдруг захочешь, а будет поздно уже.

– Чай будешь? – перебила она. – Раз уж пришел.

Евгений покачал головой и затянулся, стараясь вдохнуть поменьше дыма. Сухая сигарета горела быстро, а он надеялся за это время переубедить Галю. Только есть ли такие слова, что способны перебросить мост через пропасть многолетней обиды?

Галя была младше мамы на десять лет, и он в своем дет-

ском сознании долго не мог привязать к ней солидное слово «тетя». С ней всегда было интересно и весело. Вообще детство помнилось ему временем безмятежного счастья, которое тогда не ощущалось счастьем, а воспринималось чем-то естественным и необходимым, как дыхание. Большая семья в большом доме, бабушка с дедушкой, мама с папой и Галя, все вместе, все любят друг друга и поддерживают, а если наказывают, то только за дело и для пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.